

Мотивы убийства кроются во тьме веков...

**ПОЛ
САССМАН**

**ИСЧЕЗНУВШАЯ АРМИЯ
ЦАРЯ
КАМБИСА**

Пол Сассман
Исчезнувшая армия царя Камбиса

Издательский текст
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=134018
Исчезнувшая армия царя Камбиса : АСТ; М.; 2014
ISBN 978-5-17-080861-8

Аннотация

Прямо на месте раскопок убит знаменитый английский археолог.

Нил выбрасывает на берег тело одного из самых известных скупщиков краденых древнеегипетских артефактов.

Инспектор полиции, которому поручено расследование, приходит к выводу: между убийствами существует связь, однако в чем она состоит?!

Единственная зацепка – упоминание о бесследно исчезнувшей в египетских песках в 523 г. до н. э. армии царя Камбиса, загадку которой пытался раскрыть английский археолог...

Содержание

Пролог	5
1	9
2	10
3	14
4	18
5	23
6	28
7	32
8	36
9	39
10	44
11	49
12	52
13	54
14	59
15	63
Конец ознакомительного фрагмента.	68

Пол Сассман

Исчезнувшая армия царя Камбиса

У Пола Сассмана было две страсти: писательство и археология. Первую он удовлетворял, работая свободным журналистом, вторую – проводя ежегодно два месяца на раскопках в Египте. «Исчезнувшая армия царя Камбиса» – его первый роман.

Отцу и матери – всегда помогавшим и никогда не давившим на меня, а также удивительной Элики – принявшей меня таким, какой я есть.

Пролог

Западная пустыня, 523 год до Рождества Христова

Мухи изводили грека все утро. К невыносимой жаре, долгим переходам по раскаленному песку, скудной пище добавилась новая пытка. Послав проклятие богам, он с размаху шлепнул ладонью по щеке – в стороны брызнули капли пота, но надоедливой твари удалось спастись.

– Чтоб тебя! – Грек со злостью плюнул на песок.

– Не обращай на них внимания, – заметил шагавший рядом с ним воин.

– Не могу. Они сводят меня с ума. Не иначе их наслал на нас враг.

Его сосед пожал плечами.

– Похоже на то. Говорят, аммонитяне знают с колдовскими силами. Я слышал, они умеют оборачиваться в свирепых зверей – львов, шакалов.

– Они умеют оборачиваться во что угодно, – буркнул грек. – Ничего, дай мне только до них добраться. Я заставлю их заплатить за все наши мучения. Четыре недели мы торчим в этом пекле! Четыре недели!

Не останавливаясь, он снял висевший на плече кожаный бурдюк, с отвращением хлебнул почти горячей, маслянистой воды. Боги, как ему хотелось сейчас оказаться у прохладного горного родника в Наксосе! Уж в нем-то вода не похожа на ту, которая остается после купания потных лошадей.

– Надоело мне ремесло наемника. Хватит, последний поход!

– Ты уже зарекался.

– Все, кончено. Вернусь в Наксос, найду жену, куплю надел земли и засажу его оливковыми деревьями. Оливы – те же деньги!

– Покой быстро надоеет.

– Вот уж нет! – Грек еще раз хлопнул по щеке, и вновь безрезультатно. – Клянусь! На этот раз все будет по-другому.

На этот раз все действительно было по-другому. Двадцать лет грек провел на чужих войнах. Срок немалый, и он знал, что больше не в состоянии идти из марша в марш. Да и старая рана от вражеской стрелы в последний год дает о себе знать слишком часто. Он уже с трудом поднимает щит. Все! Последний поход, и домой, на родной остров, под уютную сень оливковых деревьев.

– Скажи, а кто они такие, эти аммонитяне? – Грек сделал еще один глоток.

– Понятия не имею. У них есть какой-то храм, который Камбис решил разрушить. В храме, видишь ли, живет оракул. Больше мне ничего не известно.

Грек ухмыльнулся и не произнес ни слова. На самом деле его совсем не интересовали те, с кем приходилось сражаться. Лидийцы, египтяне, карийцы, евреи, даже соотечественники – все для него были одинаковы. Берешь в руки меч, убиваешь того, кого должен убить, и вступаешь в новую кампанию – очень часто против тех самых людей, которые платили тебе за предыдущую. Сегодня персидский царь Камбис – его хозяин, а несколько месяцев назад грек воевал с ним на стороне египтян. Обычное дело для наемника.

Он вспомнил последний перед выходом в пустыню день в Фивах. Прихватив бурдюк с пивом, грек вместе со своим другом, македонцем Фаэдом, перебрался через полноводную реку Итеру, за которой расстилалась широкая долина, Врата смерти, как ее называли. По слухам, в глубокой древности там хоронили могущественных правителей. Приятели

пробродили по долине полдня. У подножия крутого холма они наткнулись на узкий лаз и после недолгих колебаний решили выяснить, куда он ведет. Лаз оказался входом в коридор, каменные стены и потолок которого были покрыты мастерски выписанными изображениями людей и животных. Достав из-за пояса нож, грек начал выцарапывать в мягком известняке надпись: DUMMACOS O MENENDO U NAXIOS TAUTA TA XAUMAETA EIDON. AURION TO IS THN AMMONIDI EDPAI ENOIKOUSIN EPISTRATEUS W, EIGAP – «Я, Диммах, сын Мененда из Наксоса, видел своими глазами эти чудеса. Завтра предстоит поход против аммонитян. Да помогут...»

Не успел он закончить, как бедняга Фаэд, опускаясь на одно колено, не заметил скорпиона и с громким криком бросился вон. Грек расхохотался.

Но македонцу было не до веселья. Его нога распухла и напоминала бревно, на следующий день он не смог выступить вместе со всеми, лишив себя удовольствия в течение четырех недель медленно поджариваться под палящим солнцем пустыни. Бедняга? Да он просто счастливчик!

Губы грека раздвинулись в улыбке.

– Диммах! Эй, Диммах!

Возглас соседа прервал его воспоминания.

– Что такое?

– Посмотри-ка туда, мечтатель! Вперед!

Грек чуть приподнял голову, устремив взгляд туда, где плотной массой двигался передовой отряд. Колонна медленно ползла меж двух высоких дюн. У горизонта высилась каменная громада. Ее пирамидальная форма была такой правильной, что наводила на мысль: без участия человека здесь не обошлось. От нее исходила непонятная угроза, и грек машинально коснулся пальцами висевшего на шее амулета. Пусть египетская Изида оградит его от злых духов!

Через полчаса войско сделало короткий привал: настала пора подкрепить силы. До подножия громады однополчанам грека оставалось рукой подать. Сделав несколько шагов, Диммах устало опустился на песок в отброшенной исполином тени.

– Долго нам еще? – простонал он. – О Зевс, скажи, долго нам еще?

Послышались голоса следовавших за колонной мальчишек. Они предлагали воинам хлеб, фиги, воду. Кто-то, утолив голод, принялся царапать мечом камень утеса, чтобы оставить на нем свое имя. Грек же откинулся на спину и прикрыл глаза, наслаждаясь неизвестно откуда взявшимся слабым ветерком. Через мгновение он почувствовал, как на щеку села муха, без сомнения, та же самая, что издевалась над ним с раннего утра. Но сейчас Диммах даже не попытался отогнать ее, позволив мухе свободно разгуливать по лицу. Как бы глумясь, мерзкое насекомое то взлетало, то опускалось вновь, то взлетало, то опускалось. Призвав на помощь всю выдержку, грек не шевелился, и муха, обманутая чувством полной безопасности, замерла на его лбу. Плавным движением Диммах поднял руку и, задержав ее на мгновение, резко шлепнул себя ладонью.

– Попалась, дрянь такая! – Он с удовлетворением посмотрел на раздавленную тварь. – Наконец!

Триумф, однако, оказался недолгим. Издалека, от замыкающего отряда, донеслись какие-то тревожные звуки.

– В чем дело? – недовольно пробурчал грек, вытирая ладонь и кладя ее на рукоятку меча. – Неприятель?

– Не знаю, – ответил его сосед. – Там что-то происходит.

Шум приближался. Мимо, волоча по песку плохо привьюченную поклажу, пронеслись четыре верблюда. Их морды были в пене. Слабый ветерок превратился в ветер, несший с собой крики ужаса.

Диммах поднялся и, прикрывая рукой глаза от слепящего солнца, стал смотреть на юг. В той стороне, откуда они пришли, небо начинало темнеть. В голове мелькнуло: конница. Внезапный порыв ветра запорошил глаза песком, и грек ясно расслышал невнятные прежде вопли.

– Спаси нас, Изиды, – прошептал он.

– Что такое? – беспокойно спросил сосед.

– Песчаная буря, – повернулся к нему Диммах со встревоженным лицом.

Никто рядом не проронил ни слова. О страшных песчаных бурях Западной пустыни слышал каждый. Они приходили неизвестно откуда и не оставляли после себя ничего живого. С лица земли исчезали города, погибали целые цивилизации.

– Если это и в самом деле песчаная буря, – заметил один из проводников-ливийцев, – то нам остается только одно.

– Что?

– Лечь и умереть.

– Да защитят нас всемогущие боги!

Бивак пришел в движение. Перепуганные люди метались из стороны в сторону.

– Смиловствись, небо! Где нам искать спасения?

Кто-то бросал на песок мешки с пожитками и амуницию и, закрыв от ужаса глаза, бежал вперед, на север, кто-то пытался найти укрытие в расщелинах гигантского каменного утеса, кто-то падал в отчаянии на колени. Один могучего телосложения воин ткнулся лицом в песок и зарыдал, как ребенок. Другой попал под копыта взбесившегося коня.

В общей сумятице грек был единственным, кто не утратил спокойствия. Он стоял абсолютно неподвижно, вглядываясь в надвигавшуюся темную стену. Мимо проносились толпы обезумевших, потерявших человеческий облик людей.

– Беги! – кричали ему. – Половина армии уже погибла! Беги же!

Ветер усиливался, бросая в грека все новые пригоршни песка. В воздухе стоял грохот бушующего водопада. День на глазах превращался в ночь.

– Нам нужно выбираться отсюда, Диммах! – прокричал сосед. – Или ты хочешь быть погребенным заживо?

Но грек не шелохнулся. Его губы искривило подобие улыбки. На своем веку он повидал немало смертей, но мысль о такой ему и в голову не приходила. Этот поход действительно оказывался последним. Жестокость судьбы ошеломляла. Улыбка грека стала шире.

– Диммах, опомнись! Что с тобой?

– Ступай! – крикнул он, перекрывая завывания бури. – Беги, если тебе так хочется! Какой смысл? Я решил умереть там, где стою.

Грек извлек из-за пояса меч и поднял его перед собой, вглядываясь в изображенную на лезвии змею с раскрытой пастью. Клинок достался ему двадцать лет назад, в первом походе против лидийцев, и все эти годы исправно служил своему хозяину. Большим пальцем левой руки Диммах нежно провел по кромке, проверяя ее остроту. Сидевший рядом однополчанин вскочил на ноги.

– Боги лишили тебя разума! Оставайся, придурок!

Но грек даже голову не повернул в его сторону. Сжимая меч, он уставился в надвигавшуюся тьму. Что ж, ждать осталось недолго. Под кожей проступили напрягшиеся мускулы.

– Ну, давай, давай, – прошептал он. – Посмотрим, кто сильнее.

Мысли приобрели вдруг удивительную ясность. Такое в бою происходило с ним всегда: на смену страху и свинцовой тяжести тела внезапно приходило радостное предвкушение схватки. Наверное, ухаживать за оливами и в самом деле не для него. Он – воин. Жажда битвы у него в крови. Да, лучший конец невозможно и представить. Диммах нараспев затянул слова старого египетского заклятия, отгонявшего злых духов:

*Да поразят тебя стрелы Сахмета!
Да обрушится на твою голову могущество Тома!
Да покарает тебя Изида!
Да не даст тебе пощады Нефтис!
Да поразит тебя своим копьем Гор!*

В этот момент с мощью тысячи колесниц на него обрушилась буря. Порыв ветра едва не свалил грека с ног, мириады песчинок лишали способности видеть, рвали короткую туннику, впивались в кожу. Здесь и там сквозь упавший на землю мрак все еще пытались пробиться неясные фигуры людей, чьи отчаянные вопли тонули в чудовищном рокоте разверзшейся преисподней. К ногам грека упал сорванный с древка штандарт – лишь для того, чтобы через мгновение вновь быть унесенным стихией.

Взмахнув мечом, Диммах вступил в жестокую схватку с ветром, но силы оказались неравны. Порывы бури бросали его из стороны в сторону, и, сделав несколько яростных выпадов, грек был вынужден опуститься на колени. Набившийся в рот и ноздри песок не давал дышать. Усилием воли Диммах заставил себя подняться и тут же рухнул снова.

Некоторое время он еще сопротивлялся, однако вскоре замер. На него снизошли спокойствие и благодать, будто он, раскинув руки и ноги, лежал на безмятежно гладкой воде. Перед глазами медленно проплывали знакомые образы: Наксос, Фивы, Фаэд, первая битва с лидийцами, принесшая желанный трофей, его меч. Последним усилием Диммах повернул сжимавший оружие кулак. Клинок с хищно раскрытой пастью змеи остался стоять вертикально. Когда буря закончилась, на торчавшее из-под слоя песка лезвие вновь упали лучи солнца.

1

Каир, сентябрь 2000 года

Из ворот посольства плавно выкатил длинный черный лимузин и с неторопливым достоинством влился в поток машин. Занял свои места полицейский эскорт: два мотоцикла спереди, два – сзади.

Ярдов сто кортеж проследовал прямо, вдоль неширокой, усаженной раскидистыми деревьями улицы, а затем свернул направо, раз и другой, выехав на Корниш. Водители соседних машин безуспешно пытались рассмотреть пассажиров лимузина, однако сквозь темные тонированные стекла могли различить лишь очертания двух мужских голов. На левом крыле автомобиля развевался небольшой звездно-полосатый флажок.

Примерно через милю кортеж приблизился к оживленному перекрестку. Двигавшиеся впереди мотоциклисты сбавили скорость, включили сирены и, отсекая машины простых смертных, провели лимузин через поток на эстакаду, где транспорта оказалось значительно меньше. Здесь уже можно было прибавить газу. Дорожные указатели предупреждали: впереди аэропорт. Два замыкавших мотоцикла сблизилась, и сидевшие на них полисмены начали о чем-то переговариваться.

Взрыв раздался настолько неожиданно, что невозможно было сразу понять, что же произошло. Приглушенный хлопок, и лимузин как бы подпрыгнул, в следующее мгновение врезавшись в бетонную ограду эстакады. Второй взрыв прозвучал намного громче. Из-под днища машины вырвался сноп пламени. Теперь уже не оставалось сомнений: происшедшее – вовсе не банальный дорожный инцидент.

Мотоциклы эскорта резко остановились. Левая передняя дверца лимузина распахнулась, из-за руля на асфальт с криками вывалился объятый пламенем водитель. Двое полицейских бросились к несчастному, чтобы накрыть его своими кожаными куртками. Двое других пытались открыть задние дверцы машины, по стеклам которой изнутри бешено молотили чьи-то кулаки. К небу потянулся столб жирного черного дыма, воздух наполнился отвратительным запахом горячей резины. Движение на эстакаде замерло, сидевшие в автомобилях люди с изумлением и ужасом взирали на происходившее. Звездно-полосатый флажок на левом крыле ярко вспыхнул и обратился в горстку пепла.

2

Западная пустыня, неделю спустя

– Ублюдок!

Сидевший за рулем внедорожника «тойоты» мужчина сделал резкий выдох, когда его машина, перевалив на скорости через гребень песчаной дюны, на долю секунды зависла в воздухе, напомнив уродливую белую бабочку В следующее мгновение джип тяжело приземлился, и водителю показалось, что он потерял управление – склон был слишком крут. Однако машина, так и не перевернувшись, стремительно скатилась к подножию бархана. Мужчина вдавил педаль газа в пол, посылая «тойоту» на штурм новой высоты.

– Недоносок! – процедил он сквозь стиснутые зубы.

Немыслимая гонка с прыжками продолжалась еще минут двадцать. Из динамиков автомагнитолы рвалась оглушительно громкая музыка, и в такт ей, казалось, развевались по ветру длинные светлые волосы водителя. Достигнув очередного гребня, он остановил джип и выключил двигатель. Затем мужчина глубоко затянулся сигаретой, достал из бардачка бинокль, раскрыл дверцу и опустил ноги на песок.

Вокруг стояла звенящая тишина. Сгустившийся от зноя воздух можно было жевать; от выгоревшего, блеклого неба исходила физически ощутимая тяжесть. Несколько мгновений мужчина пристально изучал застывшие гигантские песчаные волны, которые превращали начисто лишённую жизни местность в подобие лунного пейзажа. Сделав еще одну затяжку, он поднес к глазам бинокль и развернулся лицом к северо-западу.

Мощная оптика на расстоянии вытянутой руки приблизила невысокую, сложенную из плит известняка стену, за которой виднелась зелень оазиса. За ветвями пальм угадывались очертания построек, кое-где поблескивали крошечные зеркала соленых озер, а на западной оконечности урочища располагался небольшой городок.

– Сива, – улыбнувшись, произнес мужчина и с удовлетворением выдохнул облачко табачного дыма. – Слава Богу.

Он простоял на гребне еще минут пять, рассматривая в бинокль окрестности, а затем сел за руль. Над морем песка вновь ударила музыка.

Примерно через час колеса вынесли «тойоту» на хорошо наезженную грунтовую дорогу. До стены из известняка оставалось не более сотни ярдов. По правую руку за ней высились три радиомачты и бетонная бочка водонапорной вышки. Внезапно перед джипом с громким лаем появилось несколько полуодичавших псов.

– Привет, бродяги! Рад встрече! – Он расхохотался, посигналил и несколько раз бросил машину из стороны в сторону, подняв клубы пыли и разогнав собак.

«Тойота» миновала пару спутниковых тарелок, установленных возле пяти-шести армейского вида палаток и выехала на асфальтовую полосу, ведущую в центр городка Сива.

Поселение казалось вымершим. По обочине дороги два ишака медленно тащили повозки, а на главной площади несколько женщин с покрытыми паранджой лицами стояли за грубо сколоченными прилавками с какими-то овощами. Остальные жители, видимо, прятались за глинобитными стенами от изнуряющей полуденной жары.

Мужчина пересек площадь и остановил джип у подножия довольно высокого холма, по склонам которого виднелись полуразрушенные домишки. С заднего сиденья он достал большой конверт из плотной коричневой бумаги, вышел из машины и направился к ближайшей лавке, не позаботившись даже захлопнуть дверцу. У входа бросил пару слов хозяину,

вручил ему листок бумаги вместе с пачкой банкнот, кивнул на «тойоту» и двинулся дальше, в сторону обшарпанного здания с коряво намалеванной на стене надписью «Отель. Добро пожаловать!». При виде гостя стоявший за стойкой человек всплеснул руками.

– *Йа доктора! С возвращением! Рад вас видеть!*

Произнесено это было по-берберски. На том же языке ответил и вошедший:

– Мне тоже очень приятно, Якуб. Как дела?

– Не жалуюсь. А у вас?

– Так себе. – Мужчина, точнее, молодой человек одернул покрытую пылью майку со словами «Я люблю Египет» на груди. – Мне нужен душ.

– Конечно, конечно. Вы знаете, как в него пройти. Горячей воды, к несчастью, нет, но холодной можете не жалеть. Мохаммед! Мохаммед!

Из соседней комнаты на зов вышел мальчишка.

– Вернулся доктор Джон. Принеси ему мыло и полотенце.

Громко шлепая сандалиями по плиткам пола, мальчишка скрылся.

– Есть хотите? – спросил Якуб.

– Еще как. Последние два месяца я сидел на консервированных бобах и сардинах, мечтая о твоём цыпленке с карри.

Хозяин гостиницы довольно рассмеялся.

– Будет вам цыпленок. С жареным картофелем?

– С жареным картофелем, свежим хлебом, ледяной колой и всем остальным, что предложишь.

– Доктор ничуть не изменился!

Вернувшийся паренек вручил гостю полотенце и небольшой кусочек мыла.

– Но сначала я должен позвонить.

– Само собой! Пойдемте, пойдемте!

Якуб провел молодого человека в тесную комнатку, стены которой украшало несколько почтовых открыток с видами Каира. Телефонный аппарат стоял на невысоком стеллаже, заполненном картонными папками. Положив коричневый конверт на стул, гость снял трубку и стал вращать диск. В трубке зазвучали долгие гудки, а затем послышался женский голос.

– Алло, – произнес молодой человек и тут же перешел на арабский: – Не могли бы вы соединить меня с...

Приветливо взмахнув рукой, Якуб оставил его одного и через пару минут вошел вновь с бутылкой кока-колы. Поскольку гость продолжал говорить с далеким собеседником, хозяин поставил бутылку на стеллаж и отправился готовить цыпленка.

Через полчаса молодой человек, приняв душ, побрившись и тщательно расчесав волосы, уже сидел за столиком под сенью пальмы и воздавал должное кулинарному искусству своего благодетеля.

– Что интересного творится в мире, Якуб? – Кусочком хлеба он аккуратно собрал с тарелки остатки соуса.

Хозяин сделал глоток фанты.

– Вы слышали об американском после?

– Я ничего и ни о ком не слышал. Говорю тебе, последние два месяца я прожил на Марсе.

– Его машину взорвали.

Молодой человек присвистнул.

– Неделю назад, – со вздохом продолжил Якуб, – в Каире. Ответственность взяла на себя группировка под названием «Клинок возмездия».

– Посол погиб?

– Уцелел. Едва-едва.

Гость ухмыльнулся.

– Какой позор! Если уничтожить всех бюрократов, мир стал бы намного чище. Твой карри превосходен, Якуб.

Из-за стоявшего чуть в стороне столика поднялись две привлекательные европейки. Пройдя мимо молодого человека, одна из них с улыбкой оглянулась. В ответ он кивнул.

– По-моему, вы ей понравились, – шепнул Якуб, когда девушки вышли.

– Может быть, – пожал плечами его гость. – Но стоит признаться, что я – археолог, и она бросится от меня, как от прокаженного. Первая заповедь археолога, Якуб: никогда не говори женщине, кто ты такой. Не сдержался – ставь на себе крест.

Он откинулся на спинку стула, стараясь забыть о назойливом жужжании мух над головой. В густом воздухе витал тонкий аромат жаренного на углях мяса.

– Как долго вы здесь пробудете? – поинтересовался Якуб.

– В Сиве? Еще около часа.

– И назад, в пустыню?

– Да.

Хозяин сочувственно качнул головой.

– Вы провели там уже целый год, *йа доктора*. Приезжаете, грузите машину припасами и опять пропадаете. Чем вы там занимаетесь, в этой настоящей заднице?

– Измерениями, – улыбнулся молодой человек. – А еще рою ямы и вычерчиваю схемы.

В удачный денек делаю пару-тройку фотоснимков.

– Ищите захоронение?

– Можно сказать и так. – Гость вновь пожал плечами.

– Удалось что-нибудь найти?

– Кто знает, Якуб? Может, удалось, а может, и нет. Пустыня вечно подносит сюрпризы.

Временами кажется: вот она, стоящая находка, а сокровище оборачивается ничем. Иногда же думаешь: пустая трата сил, и в этот момент обнаруживаешь действительно интересную вещь. Как говорят мои коллеги, Сахара для археолога – все равно что капризная потаскушка, подразнит-подразнит и не даст.

Не желая исказить ненароком смысл сравнения, молодой человек перешел на английский, и хозяин, коверкая слова, переспросил:

– Ка-а-абризная подтаскуш-ш-шка?

– Именно так, Якуб. Ка-а-абризная подтаскуш-ш-шка, и это, заметь, в удачный денек.

Ловкими движениями он свернул сигарету, затем поднес зажигалку, глубоко затянулся и, запрокинув голову, энергично пустил изо рта струю дыма.

– Вы не слишком увлеклись этой дрянью, *йа доктора*? – с мягким предостережением спросил Якуб. – Смотрите, она сведет вас с ума.

– Напротив, мой друг. – Гость прикрыл глаза. – В пустыне только травка помогает сохранить разум.

Через час он покинул гостеприимного Якуба, по-прежнему держа в руке коричневый конверт. Солнце уже миновало зенит и медленно клонилось к западу, его ослепительно-желтый диск приобретал более сдержанный оранжевый оттенок. Молодой человек уверенным шагом пересек площадь, подошел к загруженному коробками с провизией джипу, сел за руль и послал «тойоту» ярдов на пятьдесят вперед, к воротам единственного в городке гаража.

– Залей бак, – обратился он к служителю, – и доверху наполни канистры. Да, в эти, пластиковые, нальешь воды. Можно прямо из-под крана.

Бросив ему ключи от машины, молодой человек направился к почте. У конторки он извлек из конверта толстую пачку фотографий, быстро просмотрел их, убрал в конверт и заклеил его.

– Отправьте это заказным письмом.

Конверт шлепнулся на конторку перед пожилым мужчиной. Тот положил увесистый бумажный пакет на весы и принялся заполнять бланк.

– Профессор Ибрагим аз-Захир, – отчетливо произнес он написанное на конверте имя адресата. – Каирский университет.

Молодой человек взял корешок квитанции, заплатил требуемую сумму и вернулся в гараж. Бак, канистры, емкости для воды были уже заполнены. Сев за руль, он повернул ключ зажигания, тронулся с места. «Тойота» медленно покатила к выезду из городка.

На границе пустыни машина ненадолго остановилась. Водитель свернул новую сигарету, включил магнитолу и погнал джип в пески.

Его тело обнаружили через два месяца. Вернее, то, что осталось от его тела: куски обуглившейся человеческой плоти в дотла выгоревшем джипе. Группа туристов, решивших побывать на сафари, наткнулась среди барханов на перевернутый, черный от сажи и копоти автомобиль. Внутри виднелись какие-то ошметки, очертаниями походившие то ли на руку, то ли на ногу. По-видимому, «тойота» опрокинулась на самом гребне дюны, хотя склон и не отличался особой крутизной. На песке вокруг сохранились колеи еще чьих-то шин, что наводило на мысль: у происшествия имелся свидетель. Идентифицировать личность погибшего удалось лишь после того, как из Соединенных Штатов была получена копия его зубной карты.

3

Лондон, четырнадцать месяцев спустя

Доктор Тэйра Маллрей откинула упавшую на глаза прядь медно-рыжих волос и двинулась по проходу От светивших под потолком электрических ламп исходило тепло, от которого на ее матовом лбу выступили капельки пота. Сквозь небольшие вентиляционные отверстия в ящиках, стоявших по обе стороны прохода, Тэйра видела поблескивавшие бусинки змеиных глаз, однако внимания на смертоносных гадов она обращала не более, чем они на нее. В серпентарии она работала уже пятый год, и рутина будней уже не приносила ощущения новизны.

Тэйра миновала отсеки с пятнистым питоном, гремучей змеей, ковровой и габонской гадюками и остановилась перед обиталищем черной кобры. Змея, свернувшись, спокойно лежала в углу ящика. При приближении человека ее головка поднялась, складки капюшона расправились, из отверстия пасти показалось острое раздвоенное жало. Толстое, темно-оливкового цвета тело начало медленно, подобно стрелке метронома, раскачиваться из стороны в сторону.

– Привет, Джоуи! – произнесла Тэйра, ставя на пол небольшую корзину с узкой горловиной и опуская в нее удавку. – Как мы себя сегодня чувствуем?

Рептилия сделала выпад, ткнув головой в верхнюю панель ящика. Молодая женщина надела грубые кожаные перчатки и защитные очки: кобра плевалась ядом.

– О'кей, мальчик. – Она достала из корзины удавку. – Пора на процедуры.

Сняв верхнюю панель, Тэйра чуть подалась назад: капюшон змеи угрожающе раздулся. Выверенным, отточенным движением женщина набросила на шею рептилии удавку и, не отрывая взгляда от глаз кобры, подняла и тут же опустила правую руку. Тело змеи оказалось в корзине. Тэйра быстро захлопнула крышку. Послышалось негромкое шуршание: кобра принялась изучать новое жилище.

– Это для твоей же пользы, Джоуи. Не сердись, пожалуйста.

Тэйра любила всех своих питомцев, за исключением черноголовой кобры. Она без малейшей опаски общалась даже с тайпаном, но всегда немного нервничала, занимаясь коброй. Эта тварь была агрессивной, изобретательной, к тому же обладала дурным характером. Год назад она даже укусила Тэйру – когда та извлекала змею из ящика, чтобы почистить занимаемый ею «гостиничный номер». Петля удавки опустилась ниже, чем нужно, и Джоуи, мотнув головой, умудрился цапнуть ее в мякоть не защищенной перчаткой ладони. К счастью, укус оказался сухим – по какой-то причине кобра решила сэкономить на яде – но само нападение потрясло Тэйру. За десять лет ее работы со змеями это был первый случай. После него в отношениях с Джоуи молодая женщина стала проявлять исключительную бдительность и приближалась к подопечному только в перчатках – чего не делала, общаясь с другими рептилиями.

Убедившись, что крышка плотно закрывает горловину корзины, Тэйра подхватила ее и направилась к выходу. С особой осторожностью, стараясь не споткнуться, поднялась по ступенькам, ведущим в коридор, где был расположен ее кабинет. Зачем лишний раз беспокоить опасного пациента?

В кабинете уже ждала Александра, ее ассистентка. Женщины вместе извлекли Джоуи из корзины и положили его на операционный стол. Руками в перчатках Александра расправила кобру, и Тэйра склонилась, чтобы рассмотреть ее чешую.

– Дела должны бы идти на поправку. – Она нежно провела указательным пальцем по спинке змеи там, где чешуйки чуть расслоились и ссохлись. – Но Джоуи опять чесался о камешки. Думаю, нам следует вытащить их из ящика, пока воспаление не пройдет.

Достав из стеклянного шкафчика флакон антисептика, Тэйра принялась осторожно промывать неглубокие ранки. Раздвоенное жало кобры учащенно задергалось, в бусинках глаз вспыхнули опасные огоньки.

– Во сколько у тебя самолет? – спросила Александра.

– В шесть. – Тэйра бросила взгляд на висевшие на стене часы. – Поеду, как только закончим.

– Жаль, что мой папаша живет не за границей. Это было бы так экзотично!

Начальница Александры улыбнулась.

– В моих отношениях с отцом экзотика отсутствует напрочь, Алекс. Повнимательнее с головой!

Завершив обработку ранок, Тэйра кончиком пальца нанесла на них тонкий слой мази.

– Пока меня не будет, тебе придется делать это через день, договорились? До пятницы будешь колоть ему антибиотики. Целлюлит нам вовсе ни к чему.

– Поезжай и ни о чем не беспокойся.

– В конце недели я позвоню, чтобы узнать, не возникло ли осложнений.

– Хватит переживать! Ничего страшного не случится. Поверь, за две недели без тебя в нашем зоопарке никто не умрет.

По губам Тэйры вновь скользнула улыбка. Александра права: слишком близко к сердцу она все принимает.

Эту черту Тэйра унаследовала от отца. Предстоящая встреча с ним станет первым за два последних года настоящим отпуском. Скорее бы! Тэйра с благодарностью сжала кисть ассистентки.

– Прости, Алекс. Я действительно зря дергаюсь.

– Не станут же эти гады скучать по тебе, правда? У них же отсутствуют эмоции.

– Как ты смеешь говорить такое о моих детках? – с наигранной обидой откликнулась Тэйра. – Да они ночи напролет будут лить слезы!

Обе женщины весело рассмеялись, затем Тэйра взяла удавку и с помощью Александры вернула кобру в корзину.

– Отнесешь его назад?

– Конечно. Тебе пора идти.

Тэйра набросила на плечи куртку, взяла со стола шлем мотоциклиста и направилась к двери.

– Антибиотики до пятницы, не забыла?

– Ради Бога! Иди, иди!

– И вытащи из ящика камни.

– Господи! Тэйра!

Александра швырнула в нее рулончиком медицинской ваты. Ловко увернувшись, Тэйра со смехом выскочила в коридор.

– Обязательно надень очки, когда будешь класть Джоуи в ящик! – крикнула она. – Ты же знаешь, какой он вредина!

Во второй половине дня улицы Лондона забиты транспортом, но на своем юрком мопеде Тэйра без особых задержек перебралась по мосту Воксхолл через Темзу и прибавила газу. От Брикстона ее отделяла всего пара миль. Следовало поспешить: до отлета оставалось три с небольшим часа, а ведь она даже не упаковала вещи.

– Дьявол!

Тэйра жила одна в просторной, напоминавшей пещеру квартире на первом этаже дома, расположенного напротив парка Броквэлл. Она приобрела ее пять лет назад на деньги, оставленные матерью. Тогда вместе с Тэйрой в квартиру вселилась и ее лучшая подруга, Дженни.

Пару лет они наслаждались по-богемному беззаботной жизнью: устраивали бесчисленные вечеринки, с легкостью завязывали и рвали отношения с поклонниками и ничего в окружавшей действительности не воспринимали всерьез. А потом Дженни познакомилась с Эндрю и через несколько месяцев переехала к нему, оставив Тэйру в одиночестве. Не считаясь с непомерно высокой ставкой налога на недвижимость, Тэйра отказалась от мысли пригласить в квартиру новую компаньонку. Ей нравилось ощущать себя хозяйкой. Временами она задумывалась: удастся ли ей когда-нибудь, подобно Дженни, зажечь одной жизнью с мужчиной? Несколькими годами ранее у нее была одна казавшаяся прочной связь, но ведь ничто не вечно под луной, верно? В общем, Тэйра давно привыкла ценить свою полную независимость.

В жилище царил жуткий беспорядок. Пройдя в комнату, Тэйра налила в бокал вина, поставила на лазерный проигрыватель диск Лу Рида и двинулась в кабинет, чтобы прослушать телефонный автоответчик. Женский голос с металлическим оттенком доложил из динамика: «Поступило шесть сообщений».

Два были от старого университетского друга Найджела: в первом он приглашал ее на субботний ужин, во втором, вспомнив, что Тэйра улетает, снимал свое приглашение. Затем позвонила Дженни – предупредить подругу ни в коем случае не соблазняться прогулкой на верблюдах: все погонщики почему-то оказываются настоящими извращенцами. Директор местной школы напоминал Тэйре о ее обещании прочитать ученикам старших классов лекцию о змеях. Просил о срочной встрече занимавшийся ее ценными бумагами биржевой брокер Гарри. Последнее сообщение пришло от отца.

«Тэйра, не могла бы ты привезти мне бутылку шотландского виски и несколько последних номеров «Таймс»? Если возникнут трудности, обязательно позвони, а так буду встречать тебя в аэропорту. Я... м-м-м... соскучился по тебе. Нет, правда, с нетерпением жду встречи. Привет».

Тэйра улыбнулась. Отец всегда ощущал неловкость, когда хотел проявить родительские чувства. Как большинство истинных ученых, профессор Майкл Маллрей по-настоящему раскованно чувствовал себя только в мире идей. Эмоции мешали работе его понятийного аппарата. Вот почему разрыв с матерью Тэйры стал неизбежным. Отец оставался глух к порывам ее души. Даже в день ее смерти, шесть лет назад, он не изменил себе. На похоронах держался в стороне, абсолютно невозмутимый, погруженный в раздумья, а по окончании скорбной церемонии напрямиком направился в Оксфорд – читать лекцию.

Допив вино, Тэйра прошла в кухню. Она знала, что в квартире следовало бы убраться, но поскольку времени оставалось в обрез, пришлось ограничиться мытьем посуды и выносом мусора. После этого Тэйра отправилась в спальню уложить вещи.

Она не виделась с отцом почти год – с момента, когда тот последний раз приезжал в Англию. Время от времени они перезванивались, однако всякий раз разговоры были скорее деловыми, чем теплыми. Отец сообщал о новом выкопанном раритете, очередном курсе лекций, Тэйра делилась услышанными на работе сплетнями. Беседа редко длилась больше трех – пяти минут. Каждый год отец слал дочери открытку, поздравляя с днем рождения, и всегда эта открытка приходила с недельным опозданием.

Тэйра очень удивилась, когда месяц назад отец позвонил и предложил приехать к нему. Он жил за пределами страны уже более пяти лет, и впервые за все это время пригласил дочь к себе.

– Полевой сезон вот-вот закончится, – прозвучал в трубке его голос. – Почему бы тебе не сесть в самолет? Жить сможешь прямо у раскопок, а я похвастаюсь некоторыми находками.

От неожиданности Тэйру охватило беспокойство. Отцу давно за семьдесят, его больное сердце требует ежедневного приема лекарств. Не хочет ли он таким образом подготовить ее к неизбежному, попрощаться перед уходом? На прямой вопрос она получила столь же прямой ответ: со здоровьем никаких проблем, просто было бы приятно провести некоторое время рядом с дочерью. На отца это было не похоже, и подозрения Тэйры стали крепнуть, однако она решила: почему бы и нет? – и заказала билет. Сообщая отцу об этом, Тэйра по его голосу догадалась: он искренне рад.

– Великолепно! Как в старые добрые времена!

Она начала копаться в разбросанной по постели одежде, отбирая нужные вещи и бросая их в большую дорожную сумку. Мучило желание закурить, но Тэйра поборола соблазн: последнюю сигарету она выкурила почти год назад и хотела продержаться ровно двенадцать месяцев. Если удастся выдержать, пари будет выиграно, и Дженни расстанется с сотней фунтов. Желая отвлечься от мыслей о табаке, Тэйра вернулась в кухню, достала из морозильника кубик льда и положила в рот.

Не купить ли отцу какой-нибудь подарок, подумала Тэйра, но тут же отказалась от своего намерения. Не было времени, да к тому же отцу не угодишь. Она вспомнила горькое разочарование, которое несколько лет назад испытала в Рождество: Тэйра неделями обдумывала, что бы такое подарить папочке, а он, не удосужившись даже заглянуть в красиво упакованный сверток, рассеянно бормотал: «Какое чудо, крошка. Именно то, о чем я мечтал». Нет-нет, она купит в аэропорту бутылку виски и «Таймс». Может, добавить к этому флакон туалетной воды?

Застегнув «молнию» сумки, Тэйра направилась в ванную принять душ. Предстоящая поездка немного пугала: в разговоре с отцом опять возникнет какой-нибудь спор, и они против собственного желания разругаются. И все же возбуждение было острее: Тэйре давно уже не приходилось выезжать из страны, а уж если их встреча пойдет насмарку, всегда можно будет просто отойти в сторону В конце концов, она не ребенок и в состоянии делать то, чего сама хочет.

Тэйра запрокинула голову, подставила под горячие струи грудь и принялась негромко вторить Лу Риду.

Через десять минут, уже полностью одетая, она проверила, надежно ли закрыты окна, подхватила объемистую сумку, вышла из квартиры и негромко захлопнула дверь. На город опускались сумерки, накрапывал дождь, по мокрому асфальту метались кривые отражения сполохов неона. Обычно такая погода приводила Тэйру в уныние. Обычно, но не в этот вечер.

Сунув руку в карман куртки, она убедилась, что паспорт и билеты на месте, улыбнулась и зашагала к станции метрополитена.

Ничего, в Каире наверняка стоит жара.

4

Каур

– Время позднее, малышка. Пора закрывать, – сказал Икбар. – Тебе тоже пора домой. Но девочка не двинулась с места, продолжая перебирать пальчиками длинные пряди своих черных волос. На чумазой мордашке под носом влажно поблескивали две полоски.

– Ступай же. Завтра будет новый день. Захочешь, можешь прийти сюда и помочь мне.

Она молча подняла глаза. Припадая на ногу, старик сделал два шага вперед. Его дыхание было тяжким, прерывистым.

– Ну же, давай. Обойдемся без игр. Мне уже много лет, и я очень устал.

В лавке становилось все темнее. Висевшая под потолком голая лампочка почти не давала света, в углах царил непроницаемый мрак, растворяя в себе лежавшие в шкафах и на полках древние безделушки. С улицы доносилось тарактенье мопеда и стук молотков.

Икбар сделал еще шаг, от чего галабия на его огромном животе слегка колыхнулась. Черная повязка на глазу старика таила в себе нечто зловещее, однако голос звучал мягко, и на личике девочки не было ни малейших признаков страха.

– Идешь или нет?

Она покачала головой.

– В таком случае, – проговорил Икбар, направляясь к двери, – мне придется закрыть тебя здесь на ночь. А ты ведь знаешь: по ночам сюда приходят духи.

Стоя у двери, он извлек из кармана связку ключей.

– Неужели я не говорил тебе о них? Наверняка говорил. Без них не обходится ни одна антикварная лавка. В той старой лампе, например, – старик кивнул на покрытый патиной бронзовый светильник, – живет джинн по имени Аль-Гуль. Ему уже десять тысяч лет, он может переходить в тела и людей, и зверей.

Девочка не сводила со светильника широко раскрытых глаз.

– А сундук в углу видишь? Да-да, с большим замком и железными полосами? Там внутри обитает страшный зеленый крокодил. Днем он спит, а ночами бродит в поисках детисек. Спросишь: зачем они ему? Чтобы съесть. Он проглатывает их не жуя, целиком.

Девочка прикусила нижнюю губу, стреляя глазками то на лампу, то на сундук.

– Вон на той стене висит кривой кинжал. В давние времена его хозяином был один жестокий царь. Каждую ночь он приходит сюда, берет свой кинжал и перерезает глотки тем, кто окажется поблизости. Вот так, милая. Мой магазинчик полон духов. Хочешь остаться в нем? Пожалуйста!

Хихикая, Икбар потянул на себя ручку двери, и висевшие над ее верхней планкой медные колокольчики отозвались мелодичным перезвоном. Девочка неуверенно двинулась к выходу – оставаться здесь одной, ей, видимо, расхотелось. На звук легких шагов Икбар обернулся, взмахнул руками и грозно зарычал. Девчушка вскрикнула, засмеялась и бросилась в дальний угол, чтобы спрятаться за парой высоких, сплетенных из стеблей тростника кувшинов.

– Ого, она вознамерилась сыграть в прятки? – Старик с улыбкой на лице тяжело захромал в угол. – Трудно же ей будет обмануть Икбара! Да, у него только один глаз, зато видит он хорошо! От Икбара не спрячешься!

Рассмотреть девочку сквозь ажурное плетение кувшинов не составляло труда, но старику не хотелось лишать малышку удовольствия. Он прошел мимо и раскрыл дверцы дряхлого комода.

– Уж не тут ли она?

Икбар сунул голову в комод.

– Надо же, не тут! А она хитрее, чем я думал!

Закрыв комод, старик прошел в заднюю комнату лавки и принялся с шумом передвигать какие-то коробки и ящики.

– Где же ты, маленькая колдунья? Прячешься в моем тайнике? Ну хитра, ну хитра!

Он провозился там еще некоторое время, а затем вернулся, остановившись прямо перед кувшинами – так близко, что слышал частое дыхание ребенка.

– Дайте-ка сообразить. В комод ее не было, в кладовке тоже. И она слишком умна, чтобы полезть в сундук с крокодилом. Значит, если только я не набитый дурак, остается одно место – угол с кувшинами. Сейчас проверим, прав я или нет.

Икбар наклонился. В этот момент колокольчики над входной дверью звякнули. В лавку кто-то вошел. Выпрямившись, старик повернулся.

– В общем-то мы уже закрылись, – сказал он, ковыляя навстречу двум стоявшим на пороге мужчинам. – Но если вам угодно взглянуть на мои сокровища, проходите, не стесняйтесь!

Вошедшие не обратили на его слова никакого внимания. Оба были молоды, едва за двадцать, бородатые, одеты в неопрятные черные комбинезоны; лоб каждого охватывала черная лента с древним иероглифом в центре. Они осмотрелись, как бы смерили взглядами комнату. Затем один вышел и тут же вернулся вместе с третьим, представителем белой расы.

– Могу я быть вам полезен? – учтиво осведомился Икбар. – Интересуетесь чем-нибудь особенным?

Мужчина, ступивший в лавку последним, выглядел настоящим гигантом: высокий и широкоплечий, швы дешевого, тонкой ткани костюма едва выдерживали напор мощной мускулатуры. В одной руке дымилась почти выкуренная сигара, другая держала плоский чемоданчик, на коричневой коже которого виднелись вытисненные буквы: «CD». Левую часть его лица уродовало огромное, от виска до верхней губы, темно-лиловое родимое пятно.

Икбар ощутил страх.

– Могу я быть вам полезен? – повторил он.

Гигант осторожно прикрыл входную дверь, повернул в замке ключ и кивнул своим спутникам. С ничего не выражавшими лицами те направились к старику. Хозяин лавки попятился, упершись спиной в прилавок.

– Что вам нужно? – На него вдруг напал кашель. – Скажите, что вам нужно?

Европеец сделал два шага и приблизился к Икбару вплотную. Мгновение он с улыбкой смотрел на старика, а затем поднял руку и ткнул дымившейся сигарой в черную повязку на его глазу. Вскрикнув, Икбар прижал ладони к щекам.

– Прошу вас! – Его душил кашель. – У меня нет денег! Я беден, беден!

– Но у тебя есть то, что должно принадлежать нам, – бросил гигант. – Некая древняя безделушка. Ты получил ее вчера. Где она?

Старик согнулся, обхватив голову руками.

– Не понимаю, о чем вы говорите! Здесь нет никаких древностей, торговать ими запрещает закон!

Незванный гость сделал знак своим подручным, и парни, подхватив хозяина лавки под локти, заставили его выпрямиться. Голова Икбара склонилась набок, правая щека ткнулась в плечо. Один из молодых людей сдвинул вверх охватывавшую лоб ленту, под которой можно

было различить на коже широкий и бледный, напоминавший по форме пиявку шрам. При виде его старик пришел в ужас.

– Пощадите! – простонал он. – Пощадите!

– Где она? – еще раз задал свой вопрос европеец.

– Пощадите!

Нечленораздельно буркнув, гигант положил чемоданчик на пол, раскрыл его и извлек нечто похожее на строительный мастерок. Металлическая пластина повторяла контуры бриллианта, в слабом свете лампы передняя кромка сверкала, как если бы инструмент недавно затачивали.

– Известно тебе, что это такое? – спросил он.

Онемевший Икбар ошеломленно взирал на непонятный предмет.

– Лопатка археолога, – с ухмылкой пояснил европеец. – Ею осторожно, слой за слоем, снимают почву, вот так. – Он несколько раз провел лопаткой перед искаженным от страха лицом старика. – Но существуют и другие способы применения.

Мужчина взмахнул лопаткой и молниеносно рассек ее острием щеку Икбара. Из огромной раны хлынула кровь. От боли старик закричал.

– В последний раз. Где она?

Прятавшаяся за кувшинами девочка беззвучно взывала к джинну Аль-Гулю с мольбой о помощи.

Было уже за полночь, когда шасси самолета коснулись бетона взлетно-посадочной полосы.

– Добро пожаловать в Каир, – приветливо улыбнувшись, произнесла стоявшая на верхней ступеньке трапа бортпроводница, когда Тэйра переступила порог салона. – Будем рады, если вам у нас понравится.

Перелет оказался довольно скучным. Тэйра заняла кресло у прохода рядом с супружеской парой и половину пути терпеливо слушала, какие проблемы принесет ее желудку египетская кухня. Выпив пару стопок водки, Тэйра ненадолго увлеклась сюжетом демонстрировавшегося видеофильма, затем купила с тележки стюардессы бутылку бесплошного виски, откинула спинку кресла и бездумно усталилась в потолок. Страшно, как всегда бывало в полете, хотелось курить, однако вместо этого Тэйра попросила принести ей кубики льда.

Отец начал работать в Гипте, когда Тэйра была еще ребенком. Многие авторитетные историки считали его одним из наиболее выдающихся египтологов современности. «Он стоит вровень с Петри и Картером, – сказал однажды уже повзрослевшей Тэйре коллега отца. – Гели для углубления наших знаний о древней цивилизации кому-то и удалось сделать больше, то мне имя этого человека пока не известно».

Она имела все основания им гордиться, но на самом деле к громким достижениям отца на ниве археологии Тэйра оставалась совершенно равнодушной. Гще маленькой девочкой она осознала, что давно ушедший в небытие мир заботит отца больше, чем проблемы его семьи. Даже имя собственной дочери он подобрал такое, в котором звучал отголосок имени древнеегипетского бога солнца – Ра.

Каждый год он отправлялся к берегам Нила на раскопки. Поначалу полевой сезон длился чуть более месяца: отец уезжал в ноябре и возвращался в канун Рождества. Со временем, когда девочка подросла, а отношения с ее матерью дали глубокую трещину, дома отец стал показываться все реже.

– Он завел себе новую даму сердца, – сказала однажды мать. – Ее зовут Египет.

Конечно, это была шутка, но улыбки она почему-то не вызывала.

Потом врачи обнаружили у матери рак, и бедная женщина начала быстро угасать. Именно тогда Тэйра впервые испытала ненависть к отцу. В то время как болезнь безжалостно пожирала печень и легкие матери, он предпочитал держаться где-то вдалеке, не желая хотя бы парой ничего не значащих слов поддержать дочь. За несколько дней до трагической развязки Тэйра позвонила ему в Египет и, удивляясь душившей ее ярости, прокричала в трубку оскорбительно мерзкие обвинения. На похоронах отец и дочь едва кивнули друг другу. Через день он вернулся в Каир – чтобы восемь месяцев в году читать лекции местным студентам, а оставшиеся четыре проводить у древних могил. Общение удалось восстановить лишь через два года.

Но были и другие воспоминания, более приятные. Еще совсем маленькой девочкой Тэйра однажды горько расплакалась, и, желая ее успокоить, отец показал удивительный фокус: ловким движением он легко отделил от ладони большой палец левой руки. И при этом не пролилось ни капли крови! Девочка изумленно расхохоталась и потребовала повторения, с восторгом наблюдая за его манипуляциями.

Утром в свой пятнадцатый день рождения – он запомнился лучше всех остальных – Тэйра, проснувшись, обнаружила на полке камина конверт с собственным именем. Внутри лежал кусок старого пергамента со стихом о сокрытом в доме сокровище и намеком на то, как его разыскать. Следуя весьма обманчивым указаниям, девочка обыскала небольшой особняк и прилегавший сад, чтобы обнаружить наконец в неприметном ящике на чердаке редкой красоты золотое ожерелье. Каждый ключ, указывавший путь к разгадке, представлял стилизованные под древнеегипетские иероглифы (и это было самым таинственным!) изображения обычных предметов. Рисунки и хитроумный текст наверняка отняли у отца не менее полудня. Вечером он повел их с матерью в ресторан и за ужином развлекал очень интересными историями о своих раскопках.

– Ты выглядишь настоящей богиней, Тэйра, – шепнул он, поправляя на ее шее ожерелье. – Первая красавица в мире! Я горжусь тобой.

Подобные моменты, как бы редки они ни были, все же компенсировали холодную отчужденность и привязывали Тэйру к отцу. Вот почему через два года после смерти матери она решила позвонить в Египет и договориться о примирении. Вот почему она прилетела в Каир и сейчас. В глубине души Тэйра знала: несмотря на бесчисленные недостатки, отец всегда был человеком добрым и порядочным. Пусть по-своему, но он любил ее, нуждался в ней – точно так же, как и она в нем. Каждую встречу в обоих оживала надежда: может, на этот раз все сложится по-другому? Вдруг они перестанут пререкаться и будут счастливы общению друг с другом, как обычные отец и дочь? Может, у них что-то получится?

Шанс еще есть, думала Тэйра, когда самолет начал снижаться. Но скорее всего через полчаса после встречи взаимная радость уступит место привычным спорам.

– Полагаю, вам известно, – бодро проговорил сидевший слева от Тэйры глава семейства, – что большинство авиакатастроф происходит именно во время посадки?

Улыбнувшись в ответ, она попросила стюардессу принести еще льда.

В зал прибытия Тэйра вошла почти через час после того, как пассажиры покинули самолет: очередь у паспортного контроля, долгая выгрузка багажа, дотошная привередливость таможенников.

– Саиф аль-Тхар, – сокрушенно качая головой, произнес стоявший за нею мужчина. – Как же любит он создавать проблемы! Поверьте, этот человек в состоянии парализовать жизнь целой страны.

Спросить, что означает эта фраза, Тэйра не успела: мужчине удалось остановить носильщика, и тот, погрузив на тележку чемоданы, повел его через толпу. С переброшенной через плечо сумкой Тэйра отошла от таможенной стойки и взволнованно осмотрелась.

Помня слова отца о встрече в аэропорту, Тэйра ожидала увидеть его спешащим, приветственно раскинув руки, навстречу. Но единственным, кто к ней приблизился, был водитель такси. Среди людей, выстроившихся за барьером для встречающих, ни отцовского лица, ни его сухопарой фигуры Тэйра не увидела.

Даже в этот поздний час зал был переполнен. Шумно ликовали возвращению домой семьи, на пластиковых стульях копошились неугомонные дети, около представителей туристских фирм топтались многочисленные любители путешествий. Повсюду деловито расхаживали полисмены в черной униформе и с автоматами на груди.

Простояв минут десять у барьера, Тэйра отправилась бродить по залу, затем вышла на улицу, где водитель автобуса принял ее за потерявшуюся туристку. Она вернулась в зал, поменяла немного денег, выпила чашку кофе и опустилась в кресло, развернув его так, чтобы видно было барьер и входные двери.

Примерно через час Тэйра позвонила отцу из телефона-автомата, но трубку никто не снял: ни в квартире, которую он снимал в центре Каира, ни в лагере на месте раскопок. Может быть, пробки на дорогах, подумала Тэйра. Отец так и не научился водить машину и наверняка взял такси. Внезапная болезнь? Или, что вероятнее всего, он просто забыл о прилете дочери?

Нет, только не последнее. Во всяком случае, не в этот раз – ведь отцу так хотелось увидеться. Он просто опаздывает, и только. С кем не бывает? Выпив вторую чашку кофе, Тэйра раскрыла книгу.

«Черт побери, я не купила “Таймс”», – вдруг вспомнила она.

5

Луксор, на следующее утро

Инспектор Юсуф Эз эль-Дин Халифа, встав еще до рассвета, принял душ, оделся и прошел в гостиную прочитать утреннюю молитву. Он чувствовал себя усталым и невыспавшимся, что давно уже вошло в привычку. Молитвенный ритуал помог обрести ясность мышления. Произнося последние слова, Юсуф ощутил прилив бодрости – тоже по привычке.

– *Ва лилла аль-шукр*, – пробормотал он, направляясь в кухню сварить кофе. – Благодарение Господу, нет предела Его могуществу.

Юсуф поставил на плиту джезву с водой, закурил и, подойдя к окну, стал наблюдать, как в трех ярдах от него, на расположенной чуть ниже соседней крыше женщина развешивает для просушки выстиранное белье. Он часто ловил себя на мысли: можно ли перепрыгнуть туда, к ней, через разделяющую строения узенькую улочку? Будь он моложе, наверняка бы попробовал. Для Али, брата, это не составило бы никакого труда. Но Али погиб, а на нем самом лежит слишком большая ответственность. Человек, имеющий жену и трех маленьких детей, не должен прыгать через двадцатиярдовую пропасть. Или это всего лишь предлог? Ведь в конце концов Юсуф всегда боялся высоты.

Засыпав в воду кофе и добавив сахару, он дождался, пока джезву накроет шапка густой коричневой пены, затем наполнил напитком чашку и прошел в просторный холл, куда выходили все комнаты квартиры. Уже полгода Юсуф пытался соорудить здесь фонтан; на полу повсюду валялись мешки с цементом, упаковки с облицовочной плиткой и пластиковые трубы. Предполагалось, фонтан будет совсем маленький, и работа займет всего пару недель. Однако, как водится, хозяину постоянно что-то мешало, за неделями следовали месяцы, и строительство застопорилось посередине. Места для фонтана явно не хватало, жена постоянно сетовала на беспорядок, грязь и ненужные расходы, но Юсуф мечтал украсить жилище чем-то необычным: без шелеста струй квартира напоминала ему ночлежку. Наклонившись, он потер между пальцев горстку песка: до выхода из дома есть время, не уложить ли пару плиток? В этот момент зазвонил телефон.

– Тебя, – сонным голосом произнесла жена, когда он вошел в спальню. – Мохаммед Сарийа.

Передав ему трубку, супруга встала с постели, вынула из колыбельки младенца и исчезла в кухне. Вбежавший в спальню сын прыгнул на толстый матрас кровати.

– *Басс*, Али! – сказал Юсуф, ласково отстраняя мальчика. – Прекрати! Алло, Мохаммед. Что у тебя в такую рань?

В ухе зарокотал низкий голос заместителя Юсуфа. Держа правой рукой трубку, он левой отталкивал от себя сынишку.

– Где?

В ответе прозвенело возбуждение.

– Ты уже там?

Хохоча, мальчишка ударил отца подушкой.

– Я же сказал, Али, хватит! Прости, Мохаммед, не расслышал. Хорошо, оставайся на месте. Никого не подпускай, я выхожу.

Юсуф положил трубку, поймал сына за ноги, перевернул мальчика на живот и губами начал щекотать его голенькие пятки. Шалун зашелся радостным смехом.

– Покрути меня в воздухе, отец! Ну, пожалуйста!

– Согласен. А потом выброшу с размаху в окно. Может, тогда ты хоть на минуту оставишь меня в покое!

Юсуф разжал пальцы, поднялся и прошел в кухню, где Зенаб варила кофе. Младенец, которого она держала на руках, с блаженным чмоканьем сосал материнскую грудь. Из гостиной доносилось негромкое пение дочери.

– Какое у птенца настроение? – спросил Юсуф, целуя жену и легонько стискивая в ладони крошечные ступни младенца.

– Он голоден, подобно своему вечно голодному отцу. Завтракать будешь?

– Нет времени. Нужно ехать на западный берег.

– С пустым желудком?

– Что-нибудь подвернется.

– Что именно?

Юсуф бросил взгляд в окно: женщина продолжала развешивать белье.

– Труп. К обеду, боюсь, меня не будет.

Он пересек Нил на ярко раскрашенном легком моторном суденышке, какие во множестве сновали между берегами реки. В другой день можно было обойтись и паромом, но сейчас речь шла о минутах, и Юсуф без особого сожаления заплатил названную лодочником сумму. В последний момент за свисавшую с носа суденышка веревку ухватился пожилой мужчина с деревянным ящиком под мышкой. Перевалившись через борт, он с облегчением выдохнул:

– Доброе утро, инспектор! – У ног Юсуфа стукнул ящик. – Не хотите навести блеск?

Халифа улыбнулся:

– Своего ты никогда не упустишь, а, Ибрагим?

Старик обнажил в ухмылке два ряда золотых зубов:

– Человеку нужно пропитание. И чистые ботинки тоже. Выходит, мы помогаем друг другу.

– В таком случае, приступай. Но поторопись, на том берегу меня ждет важное дело.

– Вы же знаете, инспектор. По скорости в Луксоре у меня соперников нет.

Он вытащил из ящика коврик, бархотки и крем, постучал щеткой по крышке, предлагая Юсуфу поставить ногу. Сидевший на корме парень молча наблюдал за его действиями.

Суденышко быстро заскользило по неподвижной воде в сторону холмов Фивы, склоны которых в свете восходившего солнца из серых становились коричневыми, а потом желтели. Слева и справа виднелись другие фелуки, в одной плечом к плечу сидели десятка полтора японских туристов. Похоже, спешат пролететь на воздушном шаре над Долиной царей, хотят успеть полюбоваться восходом, подумал Юсуф. Он и сам бы не отказался от такой авантюры, однако выложить три тысячи долларов за место в гондоле было ему не по карману. С окладом полицейского об этом не стоило и мечтать.

Приблизившись к берегу, фелука скользнула меж двух других лодок, под ее носом заскрипел гравий. Старик навел бархоткой глянец и хлопнул в ладоши:

– Готово!

Юсуф вручил ему египетский фунт, протянул такую же банкноту парню и прыгнул на берег.

– Вас подождать? – спросил лодочник.

– Не стоит. Увидимся, Ибрагим!

Он развернулся и зашагал по пологому склону к площадке, где толпились в ожидании паром люди. Миновав причал, Юсуф вышел на узкую тропу, которая вилась вдоль реки. В простирившемся слева поле работали крестьяне: их ждал богатый урожай кукурузы и сахарного тростника. Двое мужчин стояли по колено в воде, расчищая русло оросительного

канала. Время от времени инспектора обгоняли группки детей в чистых белых рубашках – до начала уроков оставалось совсем немного. Все сильнее давал о себе знать зной. Юсуф закурил.

Когда через двадцать минут он добрался до места, в окнах домов западного пригорода Луксора уже всюду играло солнце. Черные ботинки инспектора были покрыты толстым слоем пыли. Сержант Сарийа, склонившийся у самой воды над тем, что со стороны казалось кучей тряпья, при виде начальника выпрямился.

– Я уже позвонил в госпиталь, – сообщил он. – Обещали кого-нибудь прислать.

Халифа кивнул и спустился к реке. Неподвижное тело с распростертыми руками лежало на животе, лицом в грязь; на изодранной рубахе – пятна крови. Нижняя половина туловища находилась в воде и слегка покачивалась, напоминая ворочавшегося во сне человека. Инспектор ощутил едва различимый запах тлена.

– Когда его обнаружили?

– Перед рассветом. Видимо, несло по течению и затянуло под винт моторки. Вот откуда порезы на руках.

– В таком положении ты его и застал, Мохаммед? Ничего не трогал?

Сарийа отрицательно покачал головой.

Юсуф присел на корточки, поднял кисть трупа. У локтя виднелась татуировка.

– Надо же, – хмыкнул он, – скарабей! Какая ирония судьбы!

– Почему ирония? – не понял его заместитель.

– Древние египтяне почитали скарабея как символ перерождения души, символ обновления. Судя по тому, как этот бедолага выглядит, обновляться в нем нечему. – Халифа осторожно опустил кисть на землю. – Имя сообщившего о трупе известно?

– Он не назвал себя. Позвонил из телефона-автомата и сказал, что нашел мертвеца, когда решил забросить здесь удочки.

– Почему из телефона-автомата?

– Откуда же еще? Последняя фраза оборвалась на полуслове, как будто у него кончились монетки.

Юсуф задумался. Ярдах в пятидесяти от них сквозь ветви деревьев виднелась крыша небольшого дома. Инспектор кивнул на тянувшийся к венцу тонкий телефонный кабель. Сарийа недоуменно поднял брови.

– Ну и что?

– До ближайшего автомата не менее двух миль. Почему он не позвонил отсюда?

– Видимо, растерялся. Не каждый день река приносит трупы.

– Именно так. А ведь по идее он должен был как можно быстрее сообщить о находке. И почему не пожелал назвать свое имя? Кто из местных не хочет услышать о себе в новостях?

– Думаешь, он что-то знал?

Юсуф пожал плечами:

– Странно. Будто его что-то здорово напугало.

Громко хлопая крыльями, из зеленой листвы взлетела цапля. Халифа проводил птицу взглядом, опустил голову и быстро обыскал труп. В карманах брюк обнаружили перочинный нож, дешевая зажигалка и мокрый, сложенный пополам листок бумаги. Инспектор осторожно развернул его.

– Железнодорожный билет. До Каира, четырехдневной давности.

Сарийа протянул ему пластиковый пакетик.

– А теперь давай-ка перевернем тело.

Вдвоем они повернули труп на спину. При виде лица заместитель в ужасе отшатнулся:

– *Аллах-у-акбар!*

Халифа прикусил нижнюю губу. На своем веку он повидал немало смертей, однако столь жуткое зрелище возникло перед его глазами впервые. Даже толстый слой грязи не мешал понять: от лица в общем-то почти ничего не осталось. Левая глазница зияла пустотой, на месте носа – обломок хряща. Призвав на помощь воображение, инспектор попытался представить, каким лицо было при жизни. Затем, поднявшись, подошел к Сарийа.

– Ты в порядке?

Заместитель кивнул, зажал пальцем ноздрю, шумно высморкался.

– Интересно, кто его так?

– Не знаю. Может, лодочный винт, как ты сказал, хотя я не думаю, что глаз выбит винтом. Да и другие раны...

– По-твоему, это дело рук человека?

– Не готов утверждать, но лопасти винта превратили бы тело в фарш. Взгляни на его кожу... – Видя, что Сарийа борется с позывами тошноты, Юсуф не договорил фразу. – Посмотрим, что покажет вскрытие.

Он прикурил две сигареты, протянул одну заместителю. Сделав затяжку, Сарийа сложился пополам, его вырвало. Инспектор отвернулся. У противоположного берега вытянулась цепочка прогулочных судов, вдаль, на линии горизонта, высился пилон храма в Карнаке. Огромным лезвием перечеркнул небо треугольный парус яхты. Юсуф швырнул окурок в воду и вздохнул. Да, фонтан будет закончен не скоро, подумал он.

За его спиной по склону холма поднималась верхом на осликах группа туристов. Их было человек двадцать, в большинстве своем американцев. Во главе двигался египетский юноша, проводник; его ровесник замыкал шествие, следя за тем, чтобы никто не отстал. Далеко не все седоки чувствовали себя уверенно, а одна из них, дородная дама с обожженными солнцем плечами, не переставала возмущаться:

– Нас никто не предупредил, что нужно будет карабкаться в гору! О Боже, они обещали легкую прогулку!

Другие туристы хранили терпение, раскачиваясь в такт движению и посматривая по сторонам. Над расстилавшейся внизу равниной дрожало густое знойное марево. Серебром сверкала лента реки, за нею виднелись кварталы восточного пригорода Луксора, а еще дальше на фоне белесого неба угадывались призрачные очертания гор. Временами проводник останавливался, приглашая туристов полюбоваться колоссами Мемнона, игрушечными на таком расстоянии, или некрополем Рамсеса III в Мединет-Хабу. Американцы исправно щелкали фотокамерами. Если не считать пронзительного голоса дородной дамы и перестука копыт, группа поднималась в полной тишине.

– Это тебе не Миннесота, – шепнул один из мужчин своей спутнице.

На вершине холма тропа стала шире, но не надолго, вновь сужаясь и падая почти отвесно вниз.

– Перед вами Долина царей, – оповестил проводник. – Будьте внимательнее, спуск очень крут!

– Господи! – послышался испуганный вопль всем недовольной дамы.

Ослики медленно пробирались по лабиринту из гигантских каменных глыб, когда на тропе вдруг возникла фигура в грязной и рваной галабии, с космами нечесаных волос на плечах. В тощей руке человек сжимал сверток из коричневой бумаги.

– Привет доброе утро добрый вечер! – не разделяя слов, прокричал он. – Посмотреть сюда друзья вы наверняка понравится!

Проводник бросил короткую, резкую фразу на арабском, но мужчина не обратил на нее внимания, приблизившись к молодой американке в широкополой соломенной шляпе. На его ладони оказалась вырезанная из темного камня фигурка кошки.

– Гляньте леди замечательную превосходную великолепную работу. Покупать по-купать! Я бедный я хочу есть. Леди красавица покупать!

Протягивая девушке левую руку с фигуркой, правой мужчина двигал у рта воображаемой ложкой.

– Покупать покупать. Я три дня нет еды. Пожалуйста покупать у голодный.

Американка смотрела прямо перед собой, упорно не замечая ничего. Через пару мгновений тот сдался и решил испытать счастья у ее соседа.

– Гляньте мистер посмотреть чудо. Самое качество. Сколько заплатить любую цену любую цену.

– Он сумасшедший, – пояснил туристам проводник.

– Да да да сумасшедший! – расхохотался мужчина; его ноги отплясывали замысловатый танец. – Пожалуйста вы покупать. Я три дня нет еды. Самое качество ваша цена мистер!

Но и сосед остался к нему равнодушным. Нищий двинулся дальше, с хриплым отчаянием выкрикивая:

– Вы не хотите кошка я показать другие. Много много. Пожалуйста покупать. Хотите древность есть древность. Настоящая три тысяч процент. Хотите проводник я есть самый проводник. Я здесь все знать. Я показать Долина царей и Долина цариц дешево. Я показать самый могила. Такой никто больше не показать. Я три дня нет еды.

Сидевший на ослике в конце шествия египтянин пнул попрошайку ногой в ребра. Нищий упал, подняв облако пыли, и группа тронулась дальше.

– Спасибо спасибо спасибо, – раскачивая косматой головой, завыл он. – Спасибо добрые иноземцы. Никто не хотите кошка никто не хотите проводник. Я умирать я умирать!

Его голова опустилась в пыль, скрюченные пальцы бессильно скребли каменистую землю.

Американцы этого не видели. Их небольшой караван обогнул скалу и начал спускаться в Долину царей. Склон, как и предупреждал проводник, оказался весьма крутым. Дородная дама обеими руками вцепилась в шею ослика, не решаясь издать ни звука. Вопли сумасшедшего становились все тише, и через несколько минут туристы их уже не слышали.

6

Каир

Тэйра просидела в аэропорту до начала одиннадцатого утра. От усталости ее глаза покраснели, в голове шумело. Каждые полчаса она звонила отцу и проходила по залу. Она даже доехала на такси до зала прилета внутренних авиалиний: а вдруг отец что-то перепутал? Но и это оказалось впустую. Его нигде не было: ни в аэропорту, ни на месте раскопок, ни в каирской квартире. Хорошенькое начало отпуска! Опустившись в кресло, Тэйра еще раз посмотрела по сторонам. Людей вокруг было так много, что окажись отец среди них, она бы все равно его не заметила. Остаться здесь больше не имело смысла. Тэйра надела солнечные очки, забросила за плечо сумку и вышла на стоянку такси.

– Каир? – осведомился водитель, плотный мужчина с пышными усами и желтыми от никотина пальцами.

– Нет. – Тэйра устало опустила на заднее сиденье. – Саккра.

Около Саккры, некрополя древней столицы Египта Мемфиса, отец Тэйры вел раскопки.

За годы занятий археологией он провел немало времени и в других местах, от Таниса и Саиса на севере до Кустула и Наури на юге, в Судане, однако первой его любовью всегда оставалась Саккра. Каждый сезон отец три-четыре месяца проводил в поле, с трогательной дотошностью изучая занесенные песком руины, погружаясь в историю. Иногда вместо раскопок он занимался реставрацией или составлял описания предыдущих находок.

Это было строгое, почти монашеское существование: в пустыню отец отправлялся с поваром и небольшой группой добровольных помощников. Уже тогда Тэйра понимала, что в мире есть лишь одно место, где он чувствовал себя по-настоящему счастливым. В редких письмах, в детальных перечислениях обнаруженных предметов древнего быта ощущалось спокойное удовлетворение, которое отцу не в состоянии были дать иные, более яркие стороны жизни. Вот почему Тэйра так удивилась, когда он пригласил ее к себе, в свой мир, свое святилище.

Дорога до Саккры явилась настоящим испытанием. Шофера такси, казалось, несколько не беспокоила безопасность его пассажирки: он выписывал лихие повороты, с трудом уворачиваясь от встречного транспорта. На узком участке, пролегавшем вдоль скрытого зеленым каналом, водитель бросил машину влево, чтобы обогнать маленький грузовичок. Ярдах в ста впереди Тэйра увидела стремительно несшийся на них трейлер. По всем правилам шофер такси должен был бы притормозить, занять свое место. Как бы не так! Он вдавил в пол педаль газа и принялся сигналить, медленно обгоняя грузовичок, который, в свою очередь, тоже прибавил скорости. До трейлера оставалось не более двух десятков ярдов, и Тэйра почувствовала, как у нее сводит желудок. Столкновение было неизбежным, и лишь в последний момент шофер вывернул руль вправо, чудом проскользнув между бампером трейлера и крылом грузовичка, едва не ободрав с него краску.

– Испугались? – с громким смехом спросил он.

– Да, – холодно бросила Тэйра. – Испугалась.

К ее облегчению, такси вскоре свернуло с главной дороги и, проехав несколько миль, остановилось у ворот в невысокой, сложенной из плит песчаника стене, за которой поднималась небольшая ступенчатая пирамида.

– Купите у них билетик на проезд, – сказал шофер, указывая на стеклянную будочку.
– А это необходимо? Здесь работает мой отец. Я приехала к нему в гости.

Водитель высунул голову в окошко и прокричал что-то по-арабски сидевшему возле будочки мужчине. Состоялся обмен краткими фразами, из будочки вышел молодой человек.

– Здесь работать ваш отец? – В его английском слышался резкий акцент.

– Да. Профессор Майкл Маллрей.

– О! – Лицо молодого человека расплылось в широкой улыбке. – Кто же не знает *доктора!* Он есть самый известный в мире египтолог, он есть мой друг и он учить меня английскому языку. Я показать вам дорогу.

Опустившись на переднее сиденье, молодой человек объяснил водителю, куда ехать.

– Меня зовут Хассан. Мой место в главном *тефтише*. Добро пожалуйте! – Он повернулся и протянул Тэйре руку.

– Отец должен был встретить меня в аэропорту. – Тэйра ответила на рукопожатие. – Наверное, мы с ним разминулись. Он здесь?

– Простите, но я только что подъехать. Наверное, ваш отец в павильоне. Вы похожи с ним.

– Похожа на него, – улыбнувшись, поправила Тэйра. – Не «с», а «на».

Молодой человек рассмеялся.

– Вы похожи на него, – старательно повторил он. – И вы такой же хороший учитель.

За воротами водитель свернул на пыльную колею, шедшую по границе песков. Ступенчатая пирамида осталась позади, неподалеку от нее виднелись еще две, меньших размеров. Их четкие когда-то грани выглядели оплывшими, размытыми. Облик усыпальниц навел на мысль о трех стадиях разрушения одной и той же гробницы. Правее по берегам Нила тянулись поблескивавшие под утренним солнцем заливные поля, по левую руку к горизонту уходила голая, безлика пустыня.

Через сотню-другую ярдов машина въехала на окруженную десятком домиков площадку, где Хассан подал шоферу знак остановиться.

– Это *тефтиш*, – сказал молодой человек, указывая на желтое здание справа. – Наш главный офис. Я остаюсь здесь. *Бейт* Маллрей, павильон вашего отца, там, дальше. Я объяснить водителю, как добраться. Будет проблема – ехать сюда.

Хассан бросил несколько слов шоферу, вышел, и тот тронул машину с места. Проехав пару миль, на пологом песчаном откосе Тэйра увидела приземистую одноэтажную постройку.

– *Бейт* Маллрей, – пояснил водитель.

Длинное, покрытое когда-то розовой штукатуркой здание с трех сторон охватывало участок песка, в центре которого была наклонно установлена деревянная рама археологического сита. Над южным крылом павильона торчала невысокая водонапорная вышка, у входа в северное крыло виднелся штабель деревянных бочонков, в тени его мирно спал пес. Окна здания были прикрыты ставнями. Вокруг – ни души.

Водитель сказал Тэйре, что подождет: если отца здесь не будет, она сможет добраться до Каира, где много приличных отелей. Однако предложение его было отвергнуто. Тэйра расплатилась и зашагала к павильону, слыша, как он за ее спиной разворачивает машину.

Она пересекла двор, обратив внимание на то, что казалось сложенными под брезентом раскрашенными каменными блоками, и постучала в дверь. Изнутри не донеслось ни звука. Дернув за ручку, Тэйра поняла: заперто.

– Отец! Это я!

Тишина.

Оставалось пойти в обход. Вдоль задней стены здания тянулась широкая терраса, вся уставленная горшками с пыльной геранью, кактусами и карликовыми лимонными дере-

вьями. Между ними стояли две каменные скамьи. С террасы открывался замечательный вид на зеленеющие вдоль Нила поля, но Тэйру пейзаж оставил равнодушной. Сняв солнечные очки, она приблизилась к окну и сквозь щели между ставнями попыталась заглянуть вовнутрь. Темнота в помещении позволила различить лишь край стола и лежавшую на нем книгу. В соседней комнате удалось увидеть кровать да пару стоптанных, грубой кожи ботинок в углу.

Тэйра вернулась к дверям и предприняла новую попытку достучаться. Безуспешно. Она обошла павильон, ступила на террасу и без сил опустилась на каменную скамью.

Ее терзало беспокойство. Отец и в прошлом неоднократно забывал о своих обещаниях, однако сейчас все воспринималось совсем по-другому. Что, если он внезапно заболел или попал в автокатастрофу? Мозг безостановочно анализировал самые трагические варианты. Наконец Тэйра поднялась, сделала шаг к ставням, вновь стала всматриваться в темноту – уже без всякой надежды, от отчаяния.

– Где ты, отец? – прошептала она. – Где же ты, черт побери?

В мучительном ожидании прошло долгих два часа. Тэйра расхаживала вокруг павильона, время от времени стучала в дверь и смахивала со лба капли пота. Ее одинокая фигура привлекла внимание стайки местных ребятишек. Стоя на вершине песчаного откоса, сорванцы принялись выкрикивать:

– Ручку! Ручку!

Тэйра порылась в сумочке и бросила им несколько шариковых ручек, спросив, не видели ли они поблизости высокого мужчину с седыми волосами, но дети, похоже, ее не поняли. Получив ручки, стайка умчалась.

Испепеляющий зной. Пустой, покинутый всеми павильон. Полчища мух.

Когда солнце достигло зенита и уже почти не было сил бороться со сном, Тэйра решила разыскать Хассана. Отец, она знала, наверняка бы не одобрил подобной суеты, но сейчас его возмущение ничего не значило. Последней оставшейся у нее авторучкой Тэйра написала краткую записку, сложила лист бумаги, сунула его в щель входной двери и тронулась в путь. Очертания ступенчатой пирамиды чуть подрагивали в потоках раскаленного воздуха, вязкую тишину нарушал лишь звук шагов да жужжание пролетающей над головой мухи.

По пыльной колее Тэйра успела прошагать минут пять, когда ее внимание привлекла блеснувшая справа яркая точка. Остановившись, она прикрыла ладонью глаза от солнца, всмотрелась. Ярдах в трехстах на склоне высокого бархана стояло несколько фигур. На таком расстоянии можно было разобрать лишь, что они очень высокие и одеты в белое. Вновь что-то блеснуло, и Тэйра поняла: скорее всего линзы бинокля.

Она отвернулась: туристы ее не интересовали. Стоп, а вдруг это кто-нибудь из коллег отца? Тэйра уже сложила ладони у рта, чтобы крикнуть, но фигуры исчезли. Окинув взглядом горизонт, Тэйра продолжила путь. Жара и усталость сделали свое дело: ей уже мерещатся миражи. В висках шумно стучало, очень хотелось пить.

На дорогу до *тефтиша* Тэйра потратила не менее получаса; от пота стала мокрой рубашка, противно ныли суставы. Отыскав Хассана, она объяснила ему, в чем дело.

– Я полагаю, все в порядке, – попытался успокоить ее молодой человек, предложив сесть. – Наверное, ваш отец выходит и гулять. Или делать раскопки.

– Он мог оставить хотя бы записку.

– А не ждать вас в Каире?

– Я звонила ему, но к телефону никто не подходит.

– Он знает, вы должны прилететь сегодня?

– Естественно, ему известно, что я прилетаю сегодня! – Тэйра негодуяще фыркнула и после паузы закончила: – Простите, я очень устала и схожу с ума от беспокойства.

– Понимаю, мисс Маллрей. Вы не волноваться. Мы найдем его.

Хассан взял со стола рацию и заговорил в нее по-арабски, особо нажимая на слова «доктора Маллрей». Сквозь треск статического электричества донеслась ответная фраза. Выслушав собеседника, молодой человек опустил рацию.

– Его отсутствует на раскопках. Вашего отца никто не видит. Подождите минуту.

Он вышел в соседний кабинет, откуда через раскрытую дверь Тэйра услышала скороговорку арабской речи.

– *Доктора* Маллрей вчера утром ездить в Каир, а вечером возвращаться сюда, в Саккру. А потом его никто не видит.

Хассан снял телефонную трубку, набрал номер и заговорил, вновь сделав ударение на «доктора Маллрей». По завершении разговора лицо его стало хмурым.

– Это Ахмед, водитель вашего отца. Он говорит, вчера вечером профессор велеть ему ехать в *Бейт* Маллрей, а оттуда в аэропорт. Но когда Ахмед уже на месте, ваш отец отсутствовать. Я тоже беспокоюсь. С *доктора*... На *доктора* это не похоже.

В молчании Юсуф побарабанил пальцами по крышке стола, затем выдвинул ящик и извлек связку ключей:

– Вот запасные от павильона. Мы идем посмотреть.

На выходе из офиса Хассан ткнул пальцем в старенький белый «фиат».

– Мой автомобиль. Так быстрее.

Юркая машина, подпрыгивая на буграх, доставила их к павильону. Вслед за молодым человеком Тэйра приблизилась к входной двери. Оставленная в щели записка пропала. С упавшим сердцем Тэйра принялась бешено дергать дверную ручку. Хассан мягко отстранил ее, вставил в замочную скважину ключ, дважды повернул, и они вошли.

Посреди просторной свежевыбеленной комнаты находился длинный обеденный стол, в противоположной от входа стене темнел очаг камина, по обеим сторонам которого стояли два небольших дивана. Обивка была изрядно трачена молью. Двери в левой и правой стене вели в соседние помещения, Тэйра заметила угол деревянной кровати. В павильоне царил полумрак, ощущалась приятная прохлада. Слабо давал о себе знать сладковатый аромат, через мгновение Тэйра узнала в нем дым сигары.

Хассан распахнул окно, толкнул створки ставней. В комнату хлынул солнечный свет. У стены Тэйра увидела распростертое тело.

– О Господи! Нет! Нет!

Она бросилась вперед, опустилась на колени, коснулась руки лежавшего. Холодная кожа уже начала терять свою эластичность.

– Отец! – прошептала Тэйра, осторожно проводя пальцами по спутанным в беспорядке седым волосам. – Папочка!

7

Луксор

Глядя на труп, инспектор Халифа вспомнил день, когда в дом внесли мертвое тело отца. Шестилетним мальчиком он тогда еще не понимал, что происходит вокруг. Отца принесли в гостиную и положили на стол. Плакавшая навзрыд мать опустилась на колени у ног отца, ее пальцы судорожно скребли затянутые в черный халат плечи. Юсуф вместе со старшим братом Али стоял у головы покойного и, сложив ладони рук, молча смотрел на белое, запорошенное пылью лицо.

– Не убивайся, мама, – сказал Али, – я сумею позаботиться о тебе и Юсуфе.

Несчастье случилось в нескольких кварталах от дома. Слишком быстро двигавшийся по узкой улочке автобус с туристами врезался в фанерную мастерскую отца, где тот стоял за верстаком со своими помощниками, и на головы троих мужчин рухнули сложенные на крыше кирпичи и деревянные брусья. Погибли все трое. Туристическая компания отказалась нести ответственность за происшедшее, и семьи погибших не получили никакой компенсации. Из пассажиров автобуса никто не пострадал.

В те годы они жили в Назлат аль-Саммане, у самого подножия плоскогорья Гизы, в сложенной из глиняных кирпичей хижине, окна которой смотрели на пирамиды и изваяние загадочного Сфинкса.

Али был старше Юсуфа на шесть лет, из мальчика он уже превращался в смекалистого, не знавшего страха подростка. Младший боготворил брата, не отступал от него ни на шаг, копировал его слова и поступки. И сегодня в моменты сильнейшего раздражения Юсуф привык бормотать под нос «проклятье!» – словечко, услышанное братом от английских туристов.

После гибели отца верный своему слову Али бросил школу и начал зарабатывать на жизнь. Он пошел в стойло, где держали верблюдов – кормить и чистить животных, изредка выводя их на прогулку по плоскогорью. По воскресеньям Юсуфу дозволялось помогать брату. В обычные дни об этом нельзя было и мечтать, хотя мальчик умолял старшего разрешить ему находиться в стойле неотлучно. Но Али оставался непреклонным.

– Учись, Юсуф, работай головой, – требовал он. – Ты должен уметь делать то, что мне не по силам. Я хочу гордиться тобой.

Прошли годы, прежде чем Юсуф узнал: внося плату за земельный участок, обеспечивая семью едой и одеждой, Али умудрялся каждый день откладывать небольшую сумму на учебу брата в университете.

«Видит Аллах, – подумал Юсуф, – в кого бы я превратился без Али?» Он был обязан старшему брату всем и в знак признания неоплатного долга нарек его именем своего первенца.

Сын ни разу не видел дядю и теперь никогда уже не увидит. Али ушел навсегда. Неужели судьба не могла распорядиться иначе?

Встряхнув головой, Юсуф заставил себя вернуться к действительности. Стены из белого кафеля напомнили, что он находится в морге самого крупного в Луксоре госпиталя. На цинковом столе перед инспектором покоилось обнаруженное утром обнаженное мужское тело. Под потолком с тихим шелестом вращались лопасти вентилятора, свет дневных ламп делал стерильную атмосферу еще более прохладной.

Склоняясь над столом, местный патологоанатом, доктор Анвар, осторожно манипулировал затянутыми в тонкую резину перчаток пальцами.

– Интересно, – бормотал он. – Подобного я еще не видел. В высшей степени интересно!

Еще на берегу Юсуф сделал необходимые по протоколу фотоснимки, затем тело поместили в пластиковый мешок и катером доставили в Луксор. До детального осмотра трупа инспектору пришлось заполнить кучу бумаг, поэтому заглянуть в морг он смог лишь во второй половине дня. Своего заместителя Халифа отправил опросить местных жителей, не поступало ли от них сообщений о пропаже родственников. Сарийа был только рад возможности не присутствовать при вскрытии. Инспектор и сам с трудом сдерживал позывы тошноты. Ему жутко хотелось курить, пальцы правой руки инстинктивно поднимались к карману брюк, где лежала пачка «Клеопатры», но всякий раз усилием воли Юсуф одергивал себя. Доктор Анвар категорически возражал против курения в морге.

– Так что вы скажете? – спросил Халифа, упираясь плечом в белый кафель.

– С полной определенностью, – протянул после минутного молчания врач, – можно констатировать смерть. – Патологоанатом хлопнул себя ладонью по животу и расхохотался. Подобными шуточками он прославился не менее, чем отвращением к табачному дыму. – Прошу извинить мое дурацкое чувство юмора.

Издав еще один негромкий смешок, Анвар внезапно посерьезнел.

– Что именно вас интересует? – спросил он.

– Возраст.

– Трудно ответить точно, но я бы дал ему изрядно за двадцать, ближе, пожалуй, к тридцати.

– Время смерти?

– Около восемнадцати часов назад. Может, двадцать, от силы – ровно сутки.

– И все это время он пробыл в воде?

– Скорее всего, да.

– На какое, по-вашему, расстояние его могло отнести течением за сутки?

– Понятия не имею. Я занимаюсь трупами, а не динамикой водной среды.

Против воли Юсуф улыбнулся.

– Хорошо. Причина смерти?

– Я бы назвал ее очевидной.

Анвар повел глазами на изуродованное лицо. Теперь, когда грязь была смыта, оно выглядело еще более ужасным, чем на берегу. Множество более мелких ран виднелось на руках, плечах, на животе и бедрах трупа. След от прокола чем-то острым Анвар с гордостью указал даже на мошонке. Энтузиазма у него хоть отбавляй, подумал инспектор.

– Я имел в виду...

– Понимаю, понимаю. Иногда хочется поерничать. Вы хотели бы знать, чем нанесены раны.

Присев на цинковый стол, врач с берущим за душу звуком стянул перчатки.

– Итак, умер он от болевого шока и потери крови, явившихся следствием причиненных ранений. В легких почти нет воды, значит, он не утонул, и раны появились еще при жизни. Все произошло на берегу, а потом тело сбросили в реку. Думаю, не очень далеко от того места, где оно было обнаружено.

– Лодочный винт вы исключаете?

– Полностью. Раны выглядели бы абсолютно иначе, не такими аккуратными.

– Может, крокодил?

– Исключено, Халифа. Кто-то над ним поработал, и причем совершенно сознательно.

Кстати, для справки: к северу от Асуана крокодилов вообще нет, тем более таких, которые пристрастны к табаку. – Он провел скальпелем над черными кружками на правой руке, груди

и правой скуле трупа. – Три ожога, здесь, здесь и здесь. По-видимому, от сигары. Слишком велики для сигареты.

Из кармана халата Анвар достал пакетик с орешками, предложил инспектору. Халифа отказался.

– Как угодно. – Анвар запрокинул голову и высыпал горсть орешков в рот.

И это в полуярде от трупа, подумал Юсуф.

– А порезы? Чем они сделаны?

– Даже не догадываюсь, – хмыкнул патологоанатом, работая челюстями. – По всей видимости, острым металлическим предметом. К примеру, ножом. Хотя вынужден признать, таких ножевых ранений мне видеть еще не приходилось.

– Как вас понимать?

– У них слишком неровные края. Мне трудно объяснить, это скорее ощущение, а не строго обоснованный научный вывод. Порезы нанесены заостренным лезвием, но не тем, каким я привык работать. Взгляните-ка. – Он указал на грудь трупа. – Если бы сюда ударил нож, то рана была бы уже и... как бы сказать... менее отверстой. Заметьте, к тому же с одного края она чуть глубже. Не ждите от меня большей точности, Халифа. Дать ее вам я не в состоянии. Просто запомните: мы имеем дело с несколько необычным оружием.

Юсуф извлек из нагрудного кармана небольшой блокнот и черкнул в нем пару строк. Врач с хрустом жевал орешки.

– Можете что-нибудь добавить?

– Покойный был не дурак выпить. В крови довольно высокое содержание алкоголя. Да, похоже, его интересовал Древний Египет.

– Татуировка скарабея?

– Точно. Таковую нечасто увидишь. И посмотрите, инспектор...

Халифа приблизился.

– Видите царапины выше запястий? Там, где изменилась пигментация? Его держали за руки, вот так.

Анвар сделал шаг назад, и его пальцы с силой впились в кожу Халифы чуть ниже обоих локтей.

– На левой руке царапины глубже и шире, чем на правой. Видимо, держали его два человека, один из которых был сильнее. Судя по следам, состоялось нечто вроде схватки.

Кивнув, инспектор вновь раскрыл блокнот.

– Выходит, всего трое. Двое держат, третий орудует ножом.

Патологоанатом согласно кивнул, затем подошел к двери и прокричал что-то неразборчивое. Через минуту два хорошо сложенных санитара вкатили в прозекторскую длинную тележку, переложили на нее тело, прикрыли простыней и вытолкали тележку в коридор. Покончив с орешками, Анвар шагнул к раковине, принялся намыливать руки.

– Честно говоря, я поражен, – проговорил он. – Тридцать лет я делаю свое дело, но такое вижу впервые. Уж очень оно как-то не по-божески.

– Мне казалось, вас трудно заподозрить в религиозности.

– Да, я не верю в Аллаха. Но как другими словами описать то, что произошло с этим несчастным? Ведь его не просто убили – его освежевали!

Анвар завернул кран, снял с вешалки полотенце.

– Разыщите убийц, инспектор. Разыщите и бросьте в камеру!

Прозвучавшее в его словах волнение удивило Юсуфа.

– Сделаю все, что в моих силах, – сказал он. – Обнаружите что-то новое, обязательно дайте мне знать.

Сунув блокнот в карман, Халифа направился к двери. Фраза врача настигла его у самого порога.

– И еще...

Юсуф обернулся.

– Это всего лишь догадка, но при жизни он вполне мог быть скульптором. Знаете, поделки для туристов и прочая дребедень. Под ногтями скопилась алебастровая пыль, и бицепсы довольно накачаны. Похоже, ему частенько приходилось работать долотом и молотком. Допуская вероятность ошибки, я бы на вашем месте попробовал навести справки в ремесленных мастерских.

Поблагодарив Анвара, Халифа вышел в коридор и с облегчением достал из кармана пачку сигарет. В спину ему ударил сварливый голос:

– Никакого курения на территории!

8

Каир

– Он терпеть не мог сигар, – сказала Тэйра.

– Простите? – В глазах посольского чиновника мелькнуло недоумение.

– Отец не выносил сигар. Он вообще ненавидел курение. Считал его мерзкой, отвратительной привычкой, говорил, курить – это то же самое, что читать по утрам «Гардиан».

– А-а, – озадаченно протянул чиновник. – Понимаю.

– Когда я вошла в павильон, там стоял какой-то запах, поначалу я даже не разобрала, какой именно. Через минуту до меня дошло: так пахнет дым сигары.

Криспин Оутс, молодой помощник атташе посольства ее величества, перевел взгляд на дорогу и громко посигналил двигавшемуся впереди грузовику.

– Вы придаете данному факту серьезное значение?

– Как я уже сказала, отец терпеть не мог табачного дыма.

Оутс невозмутимо пожал плечами:

– Значит, там был кто-то еще.

– Но в этом все дело! Курить в павильоне было строго запрещено. Отец всегда следил за тем, чтобы его правило нигде и никем не нарушалось. Я знаю точно: он сам писал мне, как уволил за курение одного из своих работников.

Справа их машину внезапно подрезал мотоциклист, вынудив Оутса ударить по тормозам.

– Безмозглый идиот!

Несколько мгновений оба молчали.

– Боюсь, не понимаю, к чему вы клоните, – нарушил молчание Оутс.

– Я и сама не знаю, – вздохнула Тэйра. – Только... сигара там была совсем не к месту.

Не могу выбросить ее из головы.

– Да это... Вы были потрясены, вам просто показалось.

– Наверное, – устало сказала она. – Скорее всего.

Эстакада привела их в центр Каира. Уже наступил вечер, и город сиял множеством огней. Жара не спала, Тэйре пришлось опустить стекло, чтобы ветерок хоть чуть-чуть охладил покрытое бисеринками пота лицо. Она чувствовала себя растерянной, события последних нескольких часов казались кошмарным сном.

Вместе с Хассаном Тэйра провела в павильоне около часа, дожидаясь, когда придет врач. Осмотрев тело, тот не сказал ничего нового: отец мертв, и смерть наступила, по видимому, от сердечного удара, хотя установить точную причину можно будет лишь после вскрытия. Подъехал фургон «скорой», а следом появились два полисмена. Тэйре пришлось отвечать на неизбежные в такой ситуации вопросы. Возраст отца? Общее состояние его здоровья? Национальность? Род занятий? (Археология, черт побери, с раздражением бросила Тэйра. Чем, по-вашему, он мог еще здесь заниматься?) Она упомянула про табачный дым, пояснив, как позже Оутсу, что курение в павильоне было под строжайшим запретом. Полисмены записали ее слова, но особого значения им не придали. Тэйру это не тронуло. Она не проронила ни слезинки. В тот момент смерть отца не вызвала в ней никакой реакции. С отчуждением постороннего она наблюдала за тем, как умершего укладывают в фургон.

– Отца больше нет, – твердила Тэйра, пытаясь разбудить в себе хоть какое-то чувство. – Он мертв. Мертв.

Но это не помогало. В памяти всплывали совместные прогулки по зоопарку, конверт с загадочным поздравлением на каминной полке, однако далекие воспоминания не затрагивали в душе ни единой струны. Тэйра со стыдом ощущала, что испытывает лишь острое разочарование – поездка была испорчена.

Следующие две недели, думала она, уйдут на заполнение идиотских бланков и организацию похорон. Хорошенький отпуск!

Когда фургон «скорой» трогался с места, подъехал Оутс: о смерти отца Тэйра первым делом известила посольство. Светловолосый, худощавый, истинный англичанин по виду, Оутс выразил ей соболезнования – вежливые и напроць лишенные всяких эмоций. Затем на неуверенном арабском перебросился парой фраз с врачом, спросил Тэйру, где она остановилась.

– Здесь, – ответила Тэйра. – Так по крайней мере было запланировано. Думаю, сейчас мне придется вносить коррективы.

– По-моему, вам лучше вернуться в Каир, – согласился он. – Позвольте, я наведу кое-какие справки.

Вытащив из кармана пиджака мобильный телефон, – как в такую жару можно ходить в пиджаке? – Оутс отошел чуть сторону и минут через пять с удовлетворением сообщил:

– Вам заказали номер в «Рамсес-Хилтон». Поскольку дела здесь, по-видимому, закончены, можно ехать.

Тэйра обвела взглядом комнату: полки с книгами, протертые диваны, небольшой стол. Вот где вечерами отдыхал отец. Затем она вышла из павильона и направилась к машине.

– Смешно признаться, – сказал Оутс, поворачивая ключ зажигания, – но за три года в Каире я впервые побывал в Саккре. Честно говоря, археология меня никогда не интересовала.

– Меня тоже, – с грустью ответила она.

На город уже опустилась ночь, когда машина затормозила у отеля – уродливого железобетонного небоскреба, возвышавшегося неподалеку от набережной на пересечении нескольких улиц. По ярко освещенному, выложенному мрамором фойе, где располагались многочисленные бары и магазинчики, озабоченно сновали одетые в красную униформу носильщики. Ступив из уличного зноя в кондиционированную прохладу, Тэйра испытала ощущение блаженства. Ее просторный номер располагался на четырнадцатом этаже, из окон открывался вид на огни городских кварталов. Войдя, Тэйра швырнула на постель сумку и сбросила туфельки.

– Устраивайтесь, – сказал Оутс. – По слухам, здесь неплохой ресторан, хотя ужин могут принести прямо сюда.

– Спасибо, я еще не проголодалась.

– Понимаю. – Его пальцы легли на ручку двери. – Завтра предстоят многочисленные формальности, и, если вы не возражаете, я подъехал бы, скажем, к одиннадцати, чтобы отвезти вас в посольство.

Тэйра кивнула.

– Маленький совет. Вечером не стоит выходить на улицу одной. Не хочу вас пугать, но для европейцев это сейчас довольно рискованно. Фундаменталисты активизировались, и возможны провокации. Лучше поскучать в номере, чем потом раскаиваться в собственной неосторожности.

Тэйра вспомнила мужчину в зале получения багажа.

– Саиф аль-Тамар, – повторила Тэйра услышанное от него имя.

– Аль-Тхар, – поправил ее Оутс. – Да, скорее всего орудуют его люди. Бешеные фанатики. Чем сильнее на них давят власти, тем больше неприятностей. Отдельные районы

страны представляют настоящее минное поле. – Он протянул Тэйре свою визитную карточку. – Если появится какая-то нужда – звоните. И постарайтесь выспаться.

Сдержанно пожав ей руку, Оутс покинул номер.

После его ухода Тэйра закрыла на ключ дверь, взяла из мини-бара бутылочку пива и села на постель. Набрала лондонский номер, продиктовала автоответчику сообщение для Дженни, прося подругу как можно быстрее позвонить в Каир. Она знала, что нужно сделать еще несколько звонков: сестре отца, в университет, где он читал лекции по археологии, но вместо этого вышла на балкон и начала всматриваться в ночную жизнь улицы.

В этот момент у отеля остановился черный «мерседес», вынудив следовавшие за ним машины въезжать на тротуар. Судя по обиженным гудкам, удовлетворения их водители по этому поводу не испытывали.

Тэйра не обратила внимания на мелкий инцидент, но, когда из раскрывшейся дверцы «мерседеса» на тротуар ступил мужчина, почувствовала волнение. Уверенности в том, что эту фигуру она видела в Саккре, у Тэйры не было, однако интуиция подсказывала: это именно так. Даже с высоты четырнадцатого этажа одетый в серый костюм мужчина казался гигантом, прохожие рядом с ним выглядели настоящими карликами.

Незнакомец наклонился, сказал водителю «мерседеса» несколько слов, и машина отъехала. Гигант посмотрел ей вслед, а затем внезапно поднял голову. Тэйра не могла видеть его глаз, но ощущение было такое, будто он смотрит прямо на нее. В следующее мгновение мужчина небрежной походкой направился ко входу в отель, попыхивая длинной сигарой. Тэйра повела плечом, ступила с балкона в номер и задернула штору.

Нил, между Луксором и Асуаном

Врезая острым форштевнем мутную воду, вверх по течению реки медленно поднимался небольшой туристский теплоход «Гор». Слева и справа по борту в сумраке виднелись очертания оливковых рощ, уютные двухэтажные домики и крестьянские хижинки. Но восхищаться пейзажами было некому, к полуночи на палубе осталось всего несколько человек: молодая пара у капитанского мостика да компания из четырех пожилых дам, сидевших за карточным столиком на корме. Пассажиры, которые не отправились спать, собрались в музыкальном салоне, где тучный египтянин под записанный на кассету аккомпанемент исполнял популярные шлягеры.

Два взрыва прозвучали почти одновременно. Первый раздался у мостика, обломки которого погребли под собой влюбленных. Второй прогремел в салоне, усеяв палубу осколками битого стекла. Ударная волна отбросила певца на переборку, воздух огласился воплями раненых, душераздирающе закричал мужчина: взрывом ему оторвало обе ноги. Дамы на корме, невредимые, но объятые ужасом, были не в силах пошевелиться. Из груди одной вырвался хриплый стон.

В стороне от реки, с вершины покрытого худосочной зеленью холма за происходившим наблюдали трое мужчин. На их бородатые лица падали отблески пламени; в тусклом свете можно было различить пересекавший лоб каждого глубокий вертикальный шрам. Все трое улыбались.

– Саиф аль-Тхар, – прошептал один.

– Саиф аль-Тхар, – эхом отозвались двое других.

Склонив головы в неглубоком поклоне, все трое поднялись с земли и растаяли в ночной тьме.

9

Каур

Как и было оговорено, Оутс встретил Тэйру в холле отеля ровно в одиннадцать. Через десять минут его машина въехала на территорию посольства.

Несмотря на усталость, Тэйра плохо спала. Ей не давали покоя мысли о высокой фигуре. Легкое забытие прервал резкий звонок телефона. Сняв трубку, Тэйра услышала голос Дженни.

Подруги проговорили почти час. Дженни порывалась прилететь следующим же рейсом, и Тэйра готова была согласиться, но в последний момент нашла в себе силы отклонить великодушное предложение. Все в порядке, сказала она, через несколько дней я буду дома, осталось лишь завершить некоторые формальности. Обещав подруге перезвонить, Тэйра положила трубку и включила телевизор. С полчаса она пыталась найти что-нибудь интересное в каналах новостей, а потом погрузилась в сон.

Глубоко за полночь Тэйра внезапно проснулась от ощущения непонятной тревоги. В номере стояла абсолютная тишина, сквозь узкий просвет в шторах на зеркало падал бледный свет полной луны.

Глядя в потолок, она попробовала разобраться в своих страхах, а затем повернулась на бок. В этот момент ее внимание привлек доносившийся от двери едва слышный скрип. Потребовалась, наверное, целая минута, чтобы понять: кто-то со стороны коридора вращает дверную ручку.

– Эй! – Тэйра не узнала собственный, высокий от напряжения голос.

Скрип смолк, но через мгновение возобновился. С бешено стучавшим сердцем Тэйра подошла к двери и уставилась на медленно поворачивавшуюся дверную ручку. Вновь захотелось крикнуть, однако вместо этого она твердо стиснула в ладони металлическую скобу. Та чуть шевельнулась, и в следующую секунду за дверью послышались чьи-то осторожные шаги. Досчитав до пяти, Тэйра резко распахнула дверь, но коридор оказался пуст. Пуст – если не считать легкого запаха сигарного дыма.

Тэйра заперла дверь, включила в номере свет и легла. Сон пришел только на рассвете. Когда Оутс поинтересовался, хорошо ли она отдохнула, в ответ прозвучало:

– Хуже не бывает.

Показав стоявшему у ворот посольства охраннику свою дипломатическую карточку, Оутс оставил машину на небольшой стоянке и через боковую дверь провел Тэйру внутрь. По длинному коридору они прошли в тесноватое помещение. От окна к ним приблизился сухопарый мужчина со слегка растрепанными седыми волосами, густыми бровями и парой свешивавшихся с шеи на грудь очков.

– Доброе утро, мисс Маллрей. – Улыбаясь, он протянул Тэйре руку. – Чарлз Скуайерс, атташе по вопросам культуры. – Мягкий, вкрадчивый голос плохо соответствовал крепости его рукопожатия. – Криспин, будьте добры, принесите, пожалуйста, нам кофе.

С этими словами седовласый распахнул перед Тэйрой двойные двери просторного, залитого солнцем кабинета. Возле круглого стола с четырьмя креслами стоял второй мужчина.

– Позвольте представить доктора Шарифа Джемала, руководителя Совета по древним культурам, – сказал Скуайерс. – Он очень хотел встретиться сегодня с вами.

Лицо невысокого грузного египтянина покрывали глубокие оспины.

– Примите мои соболезнования. – В голосе Джемала звучала искренняя печаль. – Ваш отец был величайшим ученым и истинным другом нашей страны. Нам будет очень не хватать его.

– Благодарю вас.

Все трое опустили в кресла.

– Посол весьма сожалеет, – продолжал Скуайерс, – что не может к нам присоединиться. Воздавая должное вашему отцу, он хотел лично побеседовать с его дочерью. К несчастью, как вы, должно быть, уже слышали, сегодня ночью неподалеку от Асуана террористы осуществили еще одну акцию. Погибли двое подданных ее величества.

Атгаше сидел совершенно неподвижно, его тонкие, аристократические руки покоились на коленях.

– Он просил меня передать, что все сотрудники посольства глубоко скорбят по поводу внезапной смерти вашего отца. Мне несколько раз выпадала честь общаться с господином Маллреем. Его смерть – потеря для нации.

С подносом в руках вошел Оутс.

– Сливки? – спросил Скуайерс.

– Нет, черный и без сахара, – ответила Тэйра. – Спасибо.

Скуайерс кивнул подчиненному, тот разлил кофе по чашкам. Над столом повисло неловкое молчание.

– Студентом мне посчастливилось провести один полевой сезон рядом с вашим отцом в Саккре, – нарушил наконец тишину Джемал. – Это было в семьдесят втором году, когда мы обнаружили гробницу Птахотепа. Никогда не забуду волнения, которое я испытал, впервые в жизни переступая порог погребальной камеры. Она сохранилась в первозданном виде. Рядом со входом стояла великолепная деревянная фигура примерно такой высоты. – Джемал поднял ладонь. – Как живая, поблескивая драгоценными камнями в глазницах. Сейчас она выставлена в Каирском музее. Вы должны обязательно посетить его!

– Буду рада, – попыталась вложить в голос энтузиазм Тэйра.

– Ваш отец очень многому научил меня. Я перед ним в неоплатном долгу. Он был удивительно добрым человеком.

Джемал извлек из кармана платок, громко высморкался. Чувствовалось, что он с трудом сдерживает эмоции. В кабинете вновь воцарилась тишина. Все четверо сосредоточенно подносили к губам чашечки с кофе. Затем заговорил Скуайерс:

– По словам врача, смерть вашего отца была быстрой и безболезненной. От сердечного удара она наступает почти мгновенно.

– Он все время принимал какие-то таблетки, – кивнула Тэйра.

– Не поймите меня неправильно, – вступил Джемал, – но ваш отец сам наверняка хотел, чтобы смерть застала его в Саккре. Там он был по-настоящему счастлив.

– Верю. Отец считал Саккру своим домом.

Оутс поднял кофейник, чтобы наполнить чашки.

– К сожалению, – извиняющимся тоном произнес Скуайерс, – существует ряд некоторых формальностей. Оутс вам поможет. Благодарю. – Он прикрыл чашку ладонью. – Мне достаточно. Необходимо решить, где вы захотите похоронить отца: здесь, в Египте, или дома? Помните, вам стоит только сказать, что должно быть сделано.

– Спасибо. – Несколько мгновений Тэйра молчала, вращая в пальцах чашку. – У меня было...

Скуайерс вопросительно приподнял брови.

– Не знаю даже, – она колебалась, – как объяснить. Это может показаться смешным. Просто...

– Смелее!

– Ну... когда я вчера вошла в павильон, мне почудился запах сигарного дыма. Я удивилась: курить в присутствии отца не решался никто. Я говорила об этом в полиции. И Кристину.

Оутс кивнул. Джемал принялся перебирать нефритовые бусины четок. Все трое не сводили с Тэйры глаз.

– А пятью минутами раньше я видела мужчину, крупного мужчину...

– Крупного? – чуть подался вперед Скуайерс.

– Да, такого высокого, выше обычного. Простите, звучит, наверное, глупо...

Атгаше бросил быстрый взгляд на Джемала и рукой сделал Тэйре знак продолжать. Едва слышный перестук четок участился.

– По-моему, он наблюдал за мной в бинокль.

– Этот высокий? – уточнил египтянин.

– Да. Вчера вечером я увидела его снова. По крайней мере человек, который вышел из «мерседеса» и направился ко входу в отель, очень на него походил. К тому же он курил сигару. Посреди ночи кто-то крутил ручку двери моего номера. Когда я распахнула ее, в коридоре никого не было, но в воздухе висел запах сигарного дыма.

Тэйра слабо улыбнулась, сознавая, каким абсурдным может показаться слушателям ее рассказ. События предыдущего дня и прошедшей ночи, тревожные и многозначительные для нее, посторонними людьми будут скорее всего восприняты как цепочка банальных совпадений.

– Глупо? Я вас предупреждала...

– Ничего глупого в этом нет, – мягко произнес Скуайерс, кладя свою руку поверх ее. – Момент сейчас для вас действительно трудный. Если принять во внимание обстоятельства, нет ничего странного в том, что вы испытываете... беспокойство. Вы одна, в чужой стране, потеряли близкого вам человека. В такой ситуации реальность легко теряет знакомые очертания.

Тэйре было ясно, что слова эти продиктованы лишь вежливостью.

– Я чувствовала: что-то происходит, – сказала она. – Что-то...

– Дурное?

– Да.

По губам Скуайерса скользнула тонкая улыбка.

– Не стоит излишне беспокоить себя, мисс Маллрей. Египет – это одна из немногих стран, где человек легко убеждает себя в том, чего нет. Вы согласитесь со мной, доктор Джемал?

– Безусловно, – снисходительно ответил египтянин. – И дня не проходит без того, чтобы я не почувствовал, будто против меня что-то замышляют. Но в Совете по древним культурам это обычное дело.

Мужчины рассмеялись.

– Все, о чем вы говорили, я уверен, имеет самое безобидное объяснение, – сказал Скуайерс и после недолгой паузы добавил: – Если, конечно, ваш рассказ был абсолютно искренним.

Его слова прозвучали как шутка, однако в голосе дипломата слышалась неясная угроза. Уж не пытается ли молодая женщина умолчать некоторые, одной ей известные факты?

– Вы нам все рассказали?

– Думаю, да, – в наступившей тишине ответила Тэйра.

Бросив на нее внимательный взгляд, Скуайерс откинулся на спинку кресла и издал добродушный смешок:

– Ну что ж, в таком случае, мисс Маллрей, можете спать спокойно. Не хотите печенья?

Минут десять протекли в непринужденной светской болтовне, а затем атташе поднялся. Двое других мужчин встали следом.

– Думаю, мы отняли у вас много времени, мисс Маллрей. Сейчас Криспин отведет вас к себе, чтобы разобраться с необходимыми бумагами.

Вручив Тэйре свою визитную карточку, Скуайерс направился к двери.

– Если у вас появится желание обсудить еще что-то, звоните. Это мой прямой телефон. Постараемся сделать все, что в наших силах.

Он пожал гостье руку, вежливо раскрыл перед ней дверь в приемную. Джемал в прощальном жесте поднял правую ладонь.

– Предлагаю пойти и перекусить, – сказал Тэйре Оутс.

Некоторое время атташе и египтянин сидели в молчании. Скуайерс задумчиво смотрел в окно, Джемал меланхолично перебирал четки. Первым заговорил египтянин:

– Интересно, она была правдива?

– О, думаю, да, – откликнулся Скуайерс, изогнув тонкие, бескровные губы в подобии улыбки. – Она ни о чем не знает. Во всяком случае, не подозревает, что ей что-то известно.

Дипломат достал из кармана конфету и принялся медленно разворачивать шуршащую фольгу.

– И какая же складывается ситуация? – спросил Джемал.

Скуайерс поднял брови.

– Хороший вопрос. Дрейвик явно напал на след, но вот как в дело оказался втянутым Маллрей... можно только догадываться. Все это пока очень загадочно.

Он положил карамель в рот, рассеянно почмокал. В кабинете слышался негромкий, ритмичный перестук четок.

– Вы уже поставили в известность Мэйси? – поинтересовался Джемал. – По-моему, американцы должны быть в курсе.

– Не волнуйтесь, старина. Особой радости они не испытывают, но этого следовало ожидать.

– Так что нам сейчас делать?

– Выбор у нас невелик. Нельзя дать им понять, что нам известно о захоронении. Это было бы грубейшей ошибкой. Значит, будем сидеть и ждать, надеясь на лучшее.

– А если ничего не выйдет?

Скуайерс дернул головой, но промолчал. Пальцы Джемала неумоимо перебирали бусины.

– Не нравится мне все это, – сказал египтянин. – Может, стоит отказаться от идеи?

– А, бросьте! Такой шанс выпадает раз в жизни. Подумайте о вознаграждении!

– Не знаю. Не знаю. Ситуация становится неуправляемой. – Джемал встал, принялся нервно расхаживать по кабинету. – Как быть с его дочерью?

Скуайерс похлопал ладонью по подлокотнику кресла.

– По-моему, – после длинной паузы ответил он, – дама может оказаться даже полезной. Для того, чтобы... прояснить общую картину. Если только она не захочет поднять шум. Его нам необходимо избежать. Способны вы со своей стороны проследить за этим?

– Полиция будет вести себя так, как я ей скажу. – Джемал хмыкнул. – Там не станут задавать ненужных вопросов.

– Тем лучше. В таком случае я смогу позаботиться о мисс Маллрей. Криспин за ней присмотрит. Найдется дело и для других. Главное – не дать американцам хотя бы заподозрить, что мы ее используем. Иначе все рухнет. – Поднявшись, Скуайерс подошел к окну, за которым расстилался аккуратно подстриженный газон. – Мы должны расписать все по нотам. Если не сфальшивим, то успех обеспечен.

– Хочется верить. Малейший просчет – и все мы окажемся в дерьме.
Дипломат ухмыльнулся:
– Какая изящная формулировка, старина!
Он смачно хрустнул карамелькой.

10

Луксор

Халифа никак не предполагал, что в Луксоре окажется столько каменотесных мастерских. Разумеется, их было много, но только начав обход, инспектор понял, какую масштабную задачу перед собой поставил.

К ее выполнению Юсуф приступил еще накануне, сразу после того, как вышел из морга. Своего заместителя он отправил на восточный берег, а сам тронулся по западному, останавливаясь на пороге каждой мастерской и предъявляя хозяину фотографию с татуировкой скарабея. Обход закончился далеко за полночь, а в шесть утра оба вновь были на ногах. К полудню Халифа обошел, по его подсчетам, более пятидесяти ремесленных лавок – и без всякого намека на успех. Не давала покоя предательская мысль: уж не послал ли их Анвар на охоту за вымышленной дичью?

У дверей очередной мастерской он остановился: «Царица Тийя. Лучший в Луксоре алебастр». На стене грубо намалеван самолет и добродушно оскалившийся верблюд, рядом – изображение черного куба Каабы, знак того, что хозяин лавки совершил хадж в Мекку. Во дворе, в тени огромных глыб алебастра сидели, скрестив ноги, рабочие; их руки и лица покрывал слой белоснежной пыли. Халифа закурил сигарету, кивнул каменотесам и ступил внутрь. Навстречу ему из боковой двери с улыбкой поспешал невысокий мужчина.

– Полиция. – Юсуф предъявил свой жетон.

Улыбка с лица владельца мастерской исчезла.

– У меня есть лицензия.

– Я хочу задать тебе пару вопросов. О твоих рабочих.

– Страховка?

– Не страховка и не лицензия. Нужно найти одного человека. – Халифа достал из кармана фотографию. – Знакома эта татуировка?

Мужчина поднес снимок к глазам.

– Ну?

– Может быть.

– Что значит «может быть»? Либо ты ее видел, либо нет.

– Хорошо. Видел.

Наконец-то, подумал Юсуф.

– Один из твоих ремесленников?

– Да, я выгнал его неделю назад. А в чем дело? У него неприятности?

– Можно сказать и так. Он мертв.

Владелец мастерской вновь всмотрелся в фотографию.

– Убит, – добавил Халифа. – Тело мы обнаружили вчера, в реке.

– Что ж, нам лучше зайти внутрь, – после продолжительного молчания ответил хозяин, возвращая снимок.

К стене довольно большой комнаты, куда они вошли, лепилась низкая кровать, напротив нее поблескивал экран телевизора на ножках, а в центре стоял накрытый к обеду стол: хлеб, несколько луковиц, кусок сыра. Над постелью висел пожелтевший фотопортрет бородатого старца в галабии и феске. Отец или дед хозяина, подумал Юсуф. В тонкой деревянной рамке под стеклом с портретом соседствовал древний лист с текстом первой суры Корана.

Через открытую дверь видно было сидевших во дворе рабочих. Владелец мастерской плотно прикрыл ее.

– Парня звали Абу Найар, – сообщил он, поворачиваясь к Юсуфу. – Проработал у меня около года. Золотые руки, но любил выпить. Вечно опаздывал, никак не мог сосредоточиться. В общем, проблем с ним хватало.

– Тебе известно, где он жил?

– Старая Курна. Неподалеку от усыпальницы Рахмира.

– Семья?

– Жена и двое детишек. Дочки. К жене он относился как к собаке. Бил ногами.

Халифа глубоко затянулся табачным дымом, глядя на стоящий в углу расписанный красками бюст из известняка, копию знаменитой головки Нефертити, которая хранится в Берлинском музее. Юсуфу всегда хотелось взглянуть на оригинал, еще ребенком в Каире и Гизе он застывал перед витринами антикварных магазинов, любуясь выставленными там его подобиями. Мечтам инспектора вряд ли суждено осуществиться. Поездка в Берлин так же недоступна, как полет на воздушном шаре над Долиной царей.

Повернувшись к хозяину, он спросил:

– А враги у твоего Абу Найара имелись? Не таил ли кто-нибудь на него обиду?

– Не знаю даже, с чего начать. Абу занимал деньги налево и направо, оскорблял своих заимодавцев, постоянно ввязывался в драки. Его смерти были бы рады человек пятьдесят. Да что там – сотня!

– Конкретнее. Может, кровная месть?

– Об этом я ничего не слышал.

– В незаконных махинациях он не участвовал? Наркотики, сбыт предметов старины?

– Откуда мне знать?

– Оттуда. Вам здесь все известно. Не валяй дурака.

Хозяин поскреб щетинистый подбородок и грузно опустился на постель. Снаружи в комнату донесся нестройный хор голосов: каменотесы затянули песню. Кто-то высоким голосом начинал, остальные подтягивали.

– Нет, только не наркотики, – помолчав, сказал хозяин. – С наркотиками Абу не связывался.

– А древности?

Мужчина пожал плечами.

– Как насчет них? Было дело?

– Так, по мелочи.

– По мелочи?

– Ничего серьезного. Несколько *ушебти*, чуточку скарабеев. Ради Аллаха, кто этим не занимается? Безделица.

– Это противозаконно.

– Это жизнь.

Халифа затушил сигарету в пепельнице.

– Значит, ничего действительно ценного?

Хозяин вновь пожал плечами, подался вперед, включил телевизор.

– Ничего такого, за что стоило бы убивать. – Некоторое время он следил за развернувшейся на черно-белом экране викториной. – Правда, ходили разные слухи.

– Ну-ну?

– Поговаривали, будто что-то такое он раскопал.

– Что именно?

– Аллах его знает. Захоронение. Какой-то лакомый кусочек. – Мужчина чуть прибавил звук. – Но ведь без слухов не бывает, правда? Люди каждую неделю находят нового Тутанхамона. Какому слуху можно верить?

– Твоему можно?

– Не знаю. Я к этим делам отношения не имею. У меня свое дело, и я на него не жалуясь.

Не отрывая взгляда от экрана, он смолк. Рабочие во дворе продолжали петь, в жарком полуденном воздухе четко слышался ритмичный перестук их молотков. Почти шепотом хозяин мастерской произнес:

– Три дня назад Абу подарил матери телевизор и новый холодильник. Для человека, который сидит без работы, это неслыханная щедрость. Выводы делайте сами. – Ткнув пальцем в экран, он расхохотался. – Взгляните, вот идиот!

Смех хозяина прозвучал вымученно. Его руки, заметил инспектор, дрожали.

Перед историей Египта Юсуф всегда испытывал необъяснимое очарование. Он помнил, как мальчиком встречал на плоской кровле своего дома восход солнца над пирамидами. Другие мальчишки из его деревеньки видели в пирамидах кучу камней – но только не Халифа. Для него в них таилась магия, гигантские треугольники сквозь утренний туман представлялись ему воротами в иной мир. Их вечное присутствие вселяло в ребенка неистребимое желание заглянуть назад, в прошлое.

Тягу эту разделял с ним старший брат, Али, для которого история служила чем-то вроде надежного убежища от невзгод и разочарований повседневной жизни. Возвращаясь поздними вечерами с работы, Али, уставший, покрытый грязью, умывался холодной водой по пояс, торопливо съедал немудреный ужин, усаживался в тихом углу и раскрывал учебник по археологии. Со временем у него скопилась целая библиотека – книги в основном были украдены из школы при местной мечети. Для маленького Юсуфа не было ничего радостнее, как усесться рядом и вслушиваться в шелест переворачиваемых страниц.

– Расскажи о Расесе, Али, – просил он, тыча кулачком в плечо брата.

– Рамсесе, – со смехом поправлял его тот. – Ну, слушай. Жил однажды великий царь Рамсес Второй, и был он самым могущественным в мире человеком. Разъезжал на золотой колеснице, а корона его сверкала бриллиантами...

Какое же это счастье – родиться в Египте, думал Халифа. Существует ли на земле другая страна с таким же бессчетным количеством волшебных сказаний? Хвала Аллаху за то, что Он позволил мне появиться на свет именно здесь!

Время от времени братья отправлялись на плоскогорье Гизы. Воображая себя знаменитыми археологами, они «вели раскопки» и приходили в восторг от каждого найденного глиняного черепка. Однажды, вскоре после смерти отца, у подножия мощного фундамента Сфинкса им посчастливилось обнаружить вырезанную из известняка голову небольшой статуэтки фараона. Юсуф потерял дар речи: еще бы, ведь они совершили поистине бесценную, древнейшую находку! Только многие годы спустя он выяснил, что сокровище зарыл там брат, желавший хоть как-то отвлечь младшего от мыслей об отце.

Иногда попутным транспортом они добирались до Саккры, Дхашура и Абу-Сира, умудрялись попасть в центр Каира, чтобы обманом, выдавая себя за отставших от класса школьников, проникнуть в музей древних культур. До сегодняшнего дня инспектор прекрасно помнил расположение залов и экспонатов – так прочно закрепились в голове мальчика детские экскурсии. В одно из посещений братья подружились с пожилым ученым, профессором аль-Хабиби. Тронутый их искренним энтузиазмом, ученый провел юношей по музею, останавливаясь перед самыми интересными витринами. Позднее, когда Юсуф

сумел поступить на исторический факультет Каирского университета, тот же профессор аль-Хабиби читал ему курс археологии.

Да, Халифа был влюблен в прошлое. Оно манило своей загадочностью, представляло в образе бесконечной цепи, чьи выкованные из золота звенья тянутся через тысячелетия к Началу начал. Прошлое влекло палитрой неповторимых красок, на фоне которых рельефнее и ярче воспринимается современная жизнь.

Юсуф любил прошлое прежде всего потому, что столь же страстно любил его и Али. Для обоих оно служило источником уверенности и силы. Окунаясь в прошлое, Халифа встречал там погибшего брата, общался с ним. Древний мир являлся обиталищем душ всех близких Юсуфу людей.

– Назови-ка мне царей восемнадцатой династии! – проверял его знания Али.

– Ахмос, – медленно перечислял Юсуф, – Аменхотеп I, Тутмос I, II, Хатшепсут, Аменхотеп II, Тутмос III, Аменхотеп III, Эхнатон... м-м-м... Никак не могу его запомнить!

– Сменхкар, – подсказывал Али.

– Ну конечно! Я так и знал! Сменхкар, Тутанхамон и Хоремхеб.

– Учись, Юсуф! Привыкай работать головой.

Хорошее было время.

Дом Абу Найара инспектору удалось отыскать не сразу. Убогая постройка пряталась на задворках разбросанных по склону холма развалюх, за которыми рядами тянулись неглубокие ямы. Когда-то здесь было кладбище, превращенное теперь местными жителями в свалку. У шаткой ограды блеял привязанный козел, чьи просвечивавшие сквозь кожу тонкие ребра напоминали деревянные планки ксилофона.

Халифа постучал в дверь. Через пару минут она распахнулась, и на пороге появилась невысокая женщина с блестящими, по-кошачьи зелеными глазами.

Молодая, немногим больше двадцати, она наверняка была когда-то красавицей. Как обычно бывает в семьях *феллахов*, заботы повседневной жизни и частые роды раньше времени состарили ее фигуру и лицо. На левой щеке инспектор заметил следы глубоких царапин.

– Прошу извинить за беспокойство, – мягко сказал он, показав женщине полицейский жетон. – Я...

Нужные слова вылетели из головы. За годы работы Халифа так и не смог к ним привыкнуть. Он помнил реакцию матери на весть о гибели мужа. Мать упала на колени и принялась рвать на себе волосы, из ее горла рвался крик, напоминавший стон раненого животного. Юсуф никак не хотел причинить женщине такую же боль.

– Что? – спросила она. – Опять нажрался, да?

– Могу я войти?

Женщина повернулась спиной, движением плеча приглашая инспектора следовать за ней. В комнате на голом цементном полу возились две девочки. Прохладное полутемное помещение походило на пещеру. Мебели, за исключением дивана и телевизора на столе в углу, не было. Новенького, отметил про себя Халифа, телевизора.

– Слушаю.

– Боюсь, я принес плохую новость. Ваш муж, видите ли...

– Арестован?

Юсуф прикусил нижнюю губу.

– Мертв.

Мгновение-другое женщина не сводила с него глаз, а затем, тяжело опустившись на диван, закрыла лицо руками. Решив, что она плачет, инспектор сделал шаг вперед, чтобы как-

то утешить несчастную. Лишь когда до плеча женщины уже можно было коснуться ладонью, Халифа понял: сдавленные звуки представляют собой не рыдания, а смех.

– Фатима, Иман! – Обеими руками мать прижала к себе дочерей. – Случилось чудо!

11

Каир

Покончив с делами в посольстве, Тэйра решила взглянуть на квартиру отца.

В длившийся около четырех месяцев полевой сезон он всегда брал с собой только самое необходимое: смену одежды, пару записных книжек и фотокамеру. Другие пожитки оставались в каирской квартире. Там отец хранил дневники, цветные слайды, строгие костюмы, многочисленные археологические находки – во всяком случае, те, которые египетские власти позволили ему держать у себя. Но больше всего он дорожил книгами, несколькими тысячами томов в переплетах из тисненой кожи. Коллекция эта собиралась в течение всей его жизни. С книгами, говаривал отец, любая хибара выглядит настоящим дворцом, они помогают на все смотреть проще.

Оутс предложил подвезти Тэйру, но квартира находилась совсем рядом, к тому же молодая женщина объяснила, что хочет побыть в одиночестве. Предупредив привратника по телефону о ее приходе, Криспин на листе бумаги набросал расположение улиц, отметил крестиком, где находится нужный дом, после чего довел Тэйру до ворот.

– Обязательно позвоните мне, когда вернетесь в отель. И ни в коем случае не задерживайтесь на улицах до темноты. Трагедии с туристским теплоходом более чем достаточно.

Улыбнувшись, он зашагал к зданию посольства.

Близился вечер. На неровные плитки тротуара сквозь зеленую листву падали последние лучи заходившего солнца. Тэйра посмотрела по сторонам: будочки полицейских вдоль ограды посольства, сидящий на бордюре попрошайка, мужчина на проезжей части тянет повозку с дынями. Затем она свернулась с набросанной Оутсом схемой и зашагала по улице.

По словам помощника атташе, эта часть города называлась Гарден-сити, и, проходя под раскидистыми деревьями, Тэйра поняла почему. Вокруг царили тишина и покой, уединенные виллы – наследие колониальных времен – утопали в пышной зелени гибискуса, олеандров, жакаранды. Звонко пели птицы, в воздухе ощущался терпкий запах скошенной травы. Прохожих почти не было, если не считать двух женщин с детскими колясками да мужчины в деловом костюме, по виду чиновника. У ворот некоторых особняков ждали своих хозяев дорогие лимузины, стояли навытяжку полицейские.

Минут через десять Тэйра вышла к бульвару Шарийа Ахмед-паши, на пересечении с которым находился дом отца, построенное в начале века здание с огромными окнами и чугунным кружевом балконных решеток. Алельсиново-желтые когда-то стены давно стали серыми от пыли.

Поднявшись по ступеням, Тэйра толкнула входную дверь и оказалась в просторном, отделанном мрамором вестибюле. За столом у стены сидел пожилой египтянин, скорее всего консьерж. Чтобы объяснить ему цель своего прихода, Тэйре потребовалось перейти на язык жестов. С неясным бормотанием консьерж достал из ящика стола связку ключей, поднялся и движением руки пригласил Тэйру к старенькому лифту.

Квартира отца располагалась на третьем этаже, в самом конце длинного полутемного коридора. Остановившись у двери, египтянин попытался вставить в замочную скважину ключ. Подошел лишь четвертый.

– Спасибо, – сказала Тэйра, когда дверь наконец распахнулась.

Консьерж не шелохнулся.

– Спасибо, – повторила она.

Несколько мгновений оба простояли в неловком молчании. С опозданием сообразив, чего от нее ждут, Тэйра извлекла из сумочки пару банкнот, протянула их мужчине. Тот бросил на бумажки недоуменный взгляд и заковылял по коридору. Когда консьерж скрылся в кабине лифта, она вытащила из замка ключи и ступила в квартиру.

В просторный темный холл выходили пять дверей: кухоньки, ванной, спальни и двух других, от пола до потолка забитых книгами комнат. Жалюзи на окнах были повсюду опущены, от чего жилище казалось давно покинутым. На секунду Тэйре почудился в воздухе запах сигарного дыма, однако эту мысль она тут же отогнала. Нет-нет, какое-нибудь средство для полировки мебели или паркетная мастика.

Пройдя в гостиную, Тэйра включила свет. В глаза бросилось обилие книг и бумаг. На стенах кое-где висели в рамках крупные фотографии раскопок, у окна – невысокий стеллаж, полки которого заставлены потрескавшимися глиняными сосудами и фигурками *ушебти*. В комнате не было ни одного растения.

Как в ските средневекового схоласта, подумала Тэйра.

Она прошла по гостиной, задержалась у книжных шкафов, раскрыла старый дневник, датированный 1960 годом, когда отец работал в Судане. На исписанных аккуратным почерком страницах попадались карандашные зарисовки наиболее ценных находок.

В кабинете Тэйра впервые увидела несколько вышедших из-под пера отца книг: *«Жизнь в некрополе: раскопки Саккры, 1955–1985»*, *«От Снофру до Шенсесакафа. Очерки по истории четвертой династии»*, *«Гробница Менуту-Нефера. Смуты первого междинастийного периода»*. Пролистала толстый фотоальбом. На большинстве снимков была запечатлена углублявшаяся, по-видимому, день ото дня яма; к концу альбома на ее песчаном дне виднелись контуры массивной каменной стены.

По сути, жилище отца представляло всего лишь рабочее место. Ничто не напоминало о человеческом тепле, о любви, о самых обычных чувствах. Ничего связанного с настоящим: прошлое, одно прошлое.

Обстановка уже начинала угнетать Тэйру, когда она натолкнулась на два неожиданных открытия. В спальне, над узкой и жесткой, напоминавшей тюремные нары постелью отца обнаружилась старая фотокарточка: он и мать в день свадьбы. На лице отца счастливая улыбка, в петлице – белая роза. А вернувшись в гостиную, меж двух глиняных ваз Тэйра нашла выполненный рукой ребенка рисунок ангела. Рисунок был сделан ею много лет назад, еще в детском саду. Неужели все это время отец хранил его рядом с собой? Тэйра перевернула тонкий бумажный листок. На обороте по-прежнему виднелись корявые, прыгающие буквы: «Любимому папочке».

Из глаз вдруг хлынули слезы. Тэйра опустилась на стул, ее тело сотрясали рыдания.

– Отец! Отец, прости меня!

Когда приступ прошел, она возвратилась в спальню, чтобы рядом с уже лежавшим в сумочке рисунком положить и свадебную фотографию. Забрала и другой снимок, на котором отец в компании двух рабочих-египтян стоял рядом с каменным саркофагом. Вспомнилось, как отец объяснял: «В переводе с греческого саркофаг означает «пожиратель плоти». Новое слово так напугало маленькую девочку, что в ту ночь она не смогла заснуть.

Тэйра задумалась: не прихватить ли с собой пару отцовских книг, но размышления ее прервал телефонный звонок. Стоит ли поднимать трубку? После секундного колебания Тэйра бросилась в гостиную, но опоздала. Стоявший на столе аппарат негромко щелкнул, из динамика автоответчика послышался знакомый голос:

«Алло, говорит Майкл Маллрей. Я вернусь в Каир в первую неделю декабря, поэтому вряд ли имеет смысл оставлять сообщение. Свяжитесь со мной позже либо позвоните на факультет, телефон 794-3967. Спасибо и всего доброго».

От неожиданности Тэйра замерла на месте. Ощущение было такое, что отец не умер, а оказался каким-то чудом в набитой электроникой коробке. К тому моменту, когда она пришла в себя, кассета автоответчика начала вращаться, вспыхнул индикатор записи.

В первое мгновение Тэйре показалось, что звонивший положил трубку – из динамика не доносилось ни звука, но затем она уловила едва слышимое дыхание. Нет, он не клал трубку, он просто молчал. Рука потянулась к аппарату и повисла в воздухе. Мужчина на том конце провода – инстинкт подсказывал Тэйре, что это был именно мужчина, – хранил молчание и ждал, будто зная: она находится в квартире. Прошла, наверное, целая вечность, а потом с мягким металлическим щелчком запись остановилась. Объятая страхом, Тэйра бросилась вон. Старое здание внушало ей ужас. По пути к лифту ее внимание привлек большой жук, сидевший на белом мраморном полу коридора. Присмотревшись, Тэйра поняла, что видит перед собой не жука, а толстый цилиндр серого сигарного пепла. Против собственной воли она побежала.

Кабина лифта была где-то внизу. Перепрыгивая через ступени, Тэйра торопливо спускалась по лестнице. Быстрее, быстрее! На площадке первого этажа дорогу ей заслонила фигура. Сердце Тэйры упало, она слабо вскрикнула. Перед ней стоял консьерж.

– Ох, простите! Как вы меня напугали! Вот.

Она протянула мужчине ключи. Забирая связку, тот произнес какую-то фразу.

– Что?

Консьерж повторил.

– Не понимаю, – высоким от напряжения голосом сказала Тэйра, отчаянно желая оказаться на улице.

Мужчина заговорил вновь. Рука его опустилась в карман, и Тэйра с ужасом отшатнулась. Консьерж помахал перед ее лицом небольшим белым конвертом.

– Почта для профессор Маллрей.

Тэйра с трудом перевела дыхание и улыбнулась.

– Благодарю вас. – Она взяла конверт. – Спасибо!

Кивнув, консьерж заковылял к столу. Тэйра отказалась от мысли еще раз попытаться вручить ему чаевые, толкнула дверь, вышла на улицу. Солнечный свет и слабый ветерок принесли желанное облегчение. Она миновала двух школьников в белых, жестких от крахмала рубашках, военного с множеством нашивок. На противоположной стороне садовник в комбинезоне поливал из шланга розы.

Ярдов через двадцать Тэйра вспомнила о зажатом в руке конверте, поднесла его к глазам. Ее лицо мгновенно побледнело.

– Господи, нет, – прошептала она, увидев знакомый почерк. – Только не сейчас!

Глядя ей вслед, садовник склонил к плечу голову и проговорил что-то в воротник комбинезона.

12

Северный Судан, неподалеку от границы с Египтом

Выбравшийся из палатки мальчишка бросился бежать, разогнав своими порывистыми движениями небольшое стадо коз. Он пронесся мимо потухшего костра, прикрытого брезентом вертолета, штабеля бочек и, переводя дух, остановился у другой, стоявшей чуть в стороне от лагеря, палатки. Здесь мальчишка извлек из кармана листок бумаги, откинул холщовый клапан входа и шагнул внутрь.

В центре палатки стоял мужчина. Его глаза были закрыты, губы шевелились в молитве. Длинное, костистое лицо с орлиным носом украшала борода, над переносицей матово поблескивал глубокий вертикальный шрам. В экстатическом забвении мужчина едва заметно улыбался.

Затем он опустил на колени, простер перед собой руки и совершил глубокий поклон, коснувшись лбом застилавшего палатку ковра. Стоя за его спиной, мальчик в благоговейном ужасе взирал на молившегося. Медленно тянулись минуты, мужчина продолжал шептать священные слова, с его лица не сходила исполненная умиротворения улыбка. Ритуал казался нескончаемым. Мальчик уже собирался выйти, однако в этот момент мужчина отвесил последний поклон и поднялся. Паренек сделал шаг, протянул руку с листком.

– Вот, господин. От *доктора* Дрейвик.

Мужчина взял бумагу и принялся читать.

В его облике чувствовалась скрытая угроза, некая с трудом сдерживаемая тяга к насилию. На ее фоне казалась неуместной ласка, с которой мужчина опустил руку на голову мальчишка. Тот смотрел на свои босые ноги, объятый страхом и восхищением одновременно.

Дочитав послание, мужчина вернул бумагу мальчику.

– Аллах, да будет в веках благословенно Его имя!

– Прошу вас, господин, – прошептал мальчик, по-прежнему глядя вниз, – я не понимаю.

– Мы и не должны ничего понимать, Мехмет, – произнес мужчина, поднимая за подбородок голову младшего так, чтобы взгляды их встретились.

Лоб мальчишка пересекал такой же глубокий шрам.

– Нам всего лишь необходимо знать, что существует высший промысел, и все мы являемся его частью. Ты не задаешь вопросов Всевышнему, ты Ему просто вверяешь себя. Без вопросов и без сомнений.

– Да, господин.

– Он поставил перед нами величайшую задачу. Если мы пройдем Его испытание, награда будет высокой. Если оплошаем...

– Что, господин? Что нас ждет, если мы оплошаем? – вздрогнув, спросил мальчик.

Мужчина провел ладонью по его волосам, успокаивая.

– Мы не оплошаем. – Он улыбнулся. – Дорога трудна, но мы пройдем ее до конца. Разве я не говорил тебе? Мы избраны Богом.

Обеими руками мальчик обхватил талию мужчины, но тот мягко отстранил его.

– Есть работа, Мехмет. Отыщи доктора Дрейвика, передай ему, что он обязан найти недостающую часть. Ты понял? Он обязан найти недостающую часть.

– Найти недостающую часть, – повторил мальчик.

– А пока все должно идти, как планировалось. Ничего не меняется. Запомнишь?

– Да, господин.

– Через час мы сворачиваем лагерь. Ступай.

Мальчик вышел из палатки. Некоторое время Саиф аль-Тхар смотрел ему вслед.

Они подобрали Мехмета четыре года назад, когда тот голодным сиротой копался в каирских помойках. Ребенка отмыли, накормили, обучили грамоте. Со временем он стал одним из них – приняв отличительный знак, символ их веры, и поклявшись всю жизнь не снимать черных одежд. Черный цвет означал преданность и силу.

Простой, искренний и послушный, Мехмет был молодцом. Имелись и сотни, тысячи других, таких же. Пока богачи ублажали желудки и молились своим лживым богам, дети бедняков умирали от голода. Мир сошел с ума. Канул в бездну. Оказался во власти *кафиров*. Он, Саиф аль-Тхар, пришел в этот мир восстановить справедливость, протянуть руку отверженным, наказать нечестивцев, чтобы вновь зажечь светоч веры.

Внезапным озарением свыше ему на миг открылось, как достичь поставленной цели. На миг, не более. Аллах дал, и Аллах взял. Осознание этого приносило боль, но Саиф аль-Тхар знал, что и здесь сокрыт промысел Всевышнего. В чем он? Но разве не может Господь проверить своего слугу? Испытать его решимость? Беззаботная, легкая жизнь – удел тех, чья вера слаба. Глубина веры познается в ударах судьбы. Аллах хочет убедиться в его преданности? Что ж, Всевышний не будет разочарован. Они найдут святыню, скольких смертей бы это ни стоило. Слуга не обманет своего господина. И господин тоже не оставит своего слугу – во всяком случае, до тех пор, пока тот полон веры. Пока не отступит перед трудностями.

Бросив на мальчика еще один взгляд, Саиф аль-Тхар опустил на колени, чтобы продолжить молитву.

13

Каир

Войдя в номер отеля, Тэйра вскрыла конверт. Она знала, что должна порвать послание, выбросить его непрочитанным, но это было свыше ее сил. Даже по прошествии шести лет в каком-то уголке души еще теплилась память.

– Будь ты проклят, – пробормотала она, извлекая из конверта лист бумаги. – Зачем ты вернулся? Будь проклят!

Привет, Майкл!

Я пробуду здесь несколько недель. Если ты уже вернулся из Саккры, с удовольствием поставлю тебе стаканчик-другой. Остановился в отеле «Салах аль-Дин», хотя по вечерам меня легче застать в чайном домике на углу Ахмед-Махер и Бурса-ид. По-моему, он называется «Ахва Вадуд».

Дэниел Л.

P.S. Ты слышал о Шенкере? Он полагает, будто нашел гробницу Имхотепа! Болван.

Тэйра невольно улыбнулась. Как это похоже на Дэниела! Он просто не может удержаться, чтобы не вставить в свою речь вульгарное словцо. Впервые за долгие годы Тэйра ощутила, как к горлу подкатывает комок. Нет, обида так и не забылась.

Она еще раз прочитала записку, затем скомкала ее и швырнула в угол. Достав из минибара бутылочку водки, вышла на балкон, но тут же вернулась и бросилась на постель, бездумно уставившись в потолок. Прошло минут пять, затем десять, пятнадцать. Наконец Тэйра поднялась, взяла лежавший в кресле рюкзачок и покинула номер.

– Чайный домик «Ахва Вадуд», – сказала она водителю стоявшего у отеля такси. – Угол Ахмед-Махера и...

– Бурса-ид, – закончил шофер, открывая для нее дверцу машины. – Знакомое местечко. Тэйра опустила на сиденье.

Ты идиот, Дэниел, под негромкое урчание двигателя подумала она, и такси тронулось с места. Набитый идиот.

Припаркованный на противоположной стороне улицы пыльный «мерседес» отъехал от тротуара и медленно развернулся. Хищник взял след.

Тэйра прекрасно помнила их первую встречу. Произошла она – о Господи! – восемь лет назад.

В то время на втором курсе Лондонского университета она изучала зоологию и вместе с тремя подругами снимала недорогую квартиру. Родители жили в Оксфорде, их брак стремительно приближался к распаду. Однажды Тэйра решила проведать отца и мать.

Должен был состояться обычный семейный ужин, что само по себе представляло довольно тягостную перспективу: родители уже почти не разговаривали друг с другом. Однако когда Тэйра переступила порог дома, отец сообщил, что за столом будет присутствовать его коллега.

– Занимательный парень, – сказал он, – наполовину англичанин, наполовину француз, чуть старше тебя. Пишет диссертацию по погребальным обрядам в Фивах, Поздний период.

Буквально на днях вернулся с раскопок в Долине царей. Похоже, археология вот-вот получит нового гения. Знает о загробной жизни древних египтян больше, чем любой другой.

– Очень интригующе, – скептически усмехнулась Тэйра.

– Думаю, он тебе понравится. – Отец явно не заметил ее сарказма. – Настоящий чудак. Помешанный. Само собой, мы все в какой-то мере помешанные, но он – особенно. Впечатление такое, будто он руку готов себе отрубить, если будет уверен, что этого требует дело. А может, и не только себе. Фанатик.

– Такие, как правило, всю жизнь остаются в одиночестве.

– Ты права. У меня по крайней мере есть ты и твоя мать. У Дэниела нет никого. Честно говоря, он меня беспокоит. Он просто одержимый. Если не остановится вовремя, то наверняка до срока ляжет в могилу.

Тэйра опрокинула предложенную отцом перед ужином стопку водки. Погребальные обряды в Фивах, Поздний период. О Боже!

Гость явился почти с часовым опозданием; они как раз обсуждали, не пора ли садиться за стол, когда послышалась трель входного звонка. Выпитое уже ударило Тэйре в голову, и она, убеждая себя в необходимости соблюдать приличия, направилась к двери. Остается надеяться, что сразу после ужина будущий гений уйдет, думала она. Господи, пусть он уйдет побыстрее!

У порога Тэйра замешкалась, а затем решительно распахнула дверь.

Святой Боже! Какой мужчина!

К счастью, эти слова не были произнесены вслух, хотя по лицу Тэйры промелькнула тень изумления. Гость ничуть не походил на того, кого она ожидала увидеть: высокий, темно-волосый, с карими, почти черными глазами, напоминавшими крошечные, бездонные озера. Тэйра не могла отвести взгляда от выразительного лица.

– Прощу извинить за опоздание. – В голосе молодого человека слышался легкий галльский акцент. – Необходимо было закончить дела.

– Ясно. Погребальные обряды в Фивах, Поздний период, – пытаюсь скрыть смущение, выговорила она.

Гость рассмеялся:

– Почти угадали. Вообще-то я заполнял бумаги на получение гранта. По-моему, это менее интересно. Будем знакомы, Дэниел Лакаж.

Она пожала протянутую руку:

– Тэйра Маллрей.

После несколько затянувшегося рукопожатия оба прошли в дом.

Ужин удался на славу. Большую его часть мужчины провели в споре о Новых царствах: является ли фактом совместное правление Аменхотепа III и его сына Эхнатона? Подобные дискуссии Тэйре приходилось сотни раз слышать и раньше, но в присутствии Дэниела сухая академическая беседа обрела вдруг непонятную значимость, она как бы затрагивала их обоих. А ведь речь шла о событиях, которые казались забытыми самой историей!

– Прости, пожалуйста, – улыбнулся Дэниел, когда мать скрылась в кухне, чтобы принести блюдо с пудингом. – Для тебя наш разговор должен быть пыткой.

– Нисколько. Сейчас я впервые в жизни почувствовала искренний интерес к Египту.

– Спасибо, дорогая, – угрюмо заметил отец.

После ужина Тэйра и Дэниел вышли в сад покурить. Стоял теплый вечер, в небе сияли мириады звезд. Пройдя по газону, оба опустили в плетеные кресла-качалки.

– Твои слова за столом были сказаны лишь из вежливости, – произнес он, прикуривая две сигареты и передавая одну из них Тэйре. – Зачем утруждать себя?

– Я никогда не стараюсь быть вежливой. Сегодня по крайней мере совершенно не тот случай.

Наступило молчание. Они легонько покачивались в креслах, совсем рядом, но все же не настолько, чтобы тела их соприкасались. От Дэниела исходил почти неуловимый, приятно щекотавший ноздри запах – не туалетной воды, нет, чего-то более мужского.

– Отец сказал, ты был на раскопках в Долине царей, – первой нарушила тишину Тэйра.

– Немного в стороне от нее, в холмах.

– Искал что-то конкретное?

– Ничего особенного. Захоронения Позднего периода, двадцать шестая династия.

– Ничего особенного? Мне казалось, ты фанатически предан своему делу.

– Так и есть. Только не сегодня вечером.

Оба рассмеялись. Два взгляда на мгновение встретились, а затем устремились вверх, к небу. Над головами Тэйры и Дэниела переплела узловатые ветви старая сосна. Последовало долгое молчание.

– Загадочное место эта Долина царей, – промолвил наконец Дэниел почти шепотом, обращаясь скорее к себе, нежели к Тэйре. – Холодок бежит по спине, когда думаешь о погребенных в ней сокровищах. Взять, к примеру, хотя бы Тутанхамона. А ведь он был далеко не самым могущественным из фараонов. Так себе, средней руки. Чем же провожали в загробную жизнь действительно великого правителя – Аменхотепа III, Хоремхеба, Сети I?

Он опустил голову и, погружаясь в собственные мысли, улыбнулся.

– Меня всегда интересовало, что испытывает человек, которому посчастливится сделать такую находку. Конечно, на это не приходится и рассчитывать. Тутанхамон – исключение. Шансов обнаружить гробницу целой – один к миллиону. И все же сама мысль не дает мне покоя. Кровь закипает от возбуждения. Ни с чем не сравнимое чувство. Ни с чем. Хотя, с другой стороны... – Дэниел вздохнул.

– Что?

– С другой стороны, возбуждение тоже не будет длиться вечно. Вот в чем суть археологии. Никогда не бывает достаточно одной находки. Все время тянет превзойти самого себя. Скажем, Картер. Раскопав гробницу Тутанхамона, последующие десять лет жизни он на каждом перекрестке кричал, что знает, где похоронен Александр Македонский. Величайшего открытия за всю историю археологии ему оказалось мало. Это «Уловка-22»¹. Копаясь, не жалея сил, в прошлом, чтобы раскрыть его секреты, и больше всего боишься, что секретов этих в один день не останется.

Он смолк, затушил о каблук ботинка окурок сигареты и рассмеялся.

– Слушай, готов держать пари: ты предпочла бы сейчас мыть посуду!

Их глаза вновь встретились, пальцы опущенных рук соприкоснулись. Движение это было почти незаметным, невинным и в то же время совершенно осознанным. В следующее мгновение взгляды разошлись, но пальцы остались переплетенными.

Через три дня последовала новая встреча в Лондоне, а неделю спустя Тэйра и Дэниел уже принадлежали друг другу.

То было волшебное время, самое счастливое в ее жизни. Дэниел жил на Гауэр-стрит, в убогой квартирке без центрального отопления, которая и стала их убежищем. С утра до поздней ночи они занимались любовью, делая краткие перерывы только для того, чтобы перекусить. После скромного пикника прямо на простынях вновь наступал черед иступленных объятий.

Дэниел оказался великолепным рисовальщиком, и, отдыхая от перипетий любви, обнаженная Тэйра раскидывалась на постели, а он покрывал листы плотной бумаги быстрыми

---

¹ Любая парадоксальная бюрократическая уловка, ставящая человека в безвыходное положение. По названию романа американского писателя Дж. Хеллера, где герой пытается выдать себя за сумасшедшего, однако бюрократическая машина отказывается признать его таковым, поскольку считает его намерения слишком разумными.

набросками – в карандаше, углем или цветными мелками. Мастерски выписанные эскизы служили как бы официальным подтверждением их физической близости.

У одного из приятелей Дэниел одолжил старенький мотоцикл, и в конце недели они выбирались куда-нибудь за город. Обхватив любимого за пояс, Тэйра по обеим сторонам дороги высматривала укромные уголки: безлюдную рощицу, пустынный берег реки или, на худой конец, густые заросли кустов.

Дэниел водил ее по залам Британского музея, задерживаясь перед наиболее интересными, с точки зрения археолога, экспонатами, читая долгие лекции о покрытых клинописью глиняных табличках из Амарны, о вазах, расписанных сценками, на которых в весьма изобретательных позах представляли древнеегипетские мужчины и женщины.

– «Холод желания кожу мою обжигает», – переводил Дэниел строчки сохранившихся на черепке иероглифов.

– А мою – жар, – смеялась в ответ Тэйра и страстно прижималась к нему, не обращая внимания на бродивших по залам посетителей.

Он водил Тэйру в Бодлианскую библиотеку и в музей Соуна – чтобы показать саркофаг Сети I, а она его – в зоопарк, где работала подруга по университету. По ее просьбе подруга вытащила из террариума питона и повесила толстенную змею Дэниелу на шею, от чего он вовсе не пришел в восторг.

К тому времени родители Тэйры уже разошлись, но она была так поглощена своим романом, что и не заметила произошедшего между отцом и матерью разрыва. Окончив университет, Тэйра без всякой охоты начала собирать материалы для диссертации. Она почти не отдавала себе отчета в том, что делает, ее жизнь текла в каком-то параллельном мире, где единственной реальностью являлись лишь отношения с Дэниелом. Она была счастлива.

– Что еще? – спросила она однажды ночью, с трудом переводя дыхание после иступленных занятий любовью. – Что еще мне нужно?

– Что еще тебе нужно? – повторил ее вопрос Дэниел.

– Ничего. Больше ничего.

Когда о своих взаимоотношениях с Дэниелом Тэйра поведала отцу, тот сказал:

– Дэниел – исключительно одаренная личность. Я горжусь тем, что когда-то был его учителем. Вы станете великолепной парой. – Подумав, отец добавил: – Но будь осторожна. Как и каждый гений, Дэниел может оказаться очень тяжелым человеком. Не позволяй ему обижать тебя.

– Этого не случится, папа, – ответила Тэйра. – Не беспокойся.

Вину за то, что это все-таки произошло, в глубине души она возлагала на отца, как если бы его предупреждение и послужило причиной раскола.

Чайный домик «Ахва Вадуд» представлял невзрачное заведение с усыпанным влажными опилками полом и десятком столиков, за которыми пожилые мужчины пили маленькими глотками горячий чай и играли в домино. Дэниела Тэйра увидела сразу: он сидел в углу, склонив голову над доской с триктраком и попыхивая трубкой. Шесть прошедших лет несколько не изменили его, разве что прическа стала чуть длиннее, а лицо покрыл темный загар. Несколько мгновений Тэйра смотрела на него, чувствуя, как ее начинает охватывать омерзение. Затем она направилась к столику.

– Тэйра! – Дэниел вскинул голову, его темные глаза расширились.

Сделав шаг, Тэйра отвесила ему звонкую пощечину.

– Подонок!

Луксор, Фиванские холмы

Выживший из ума нищий сидел у костра, тыча палкой в уголья. Время от времени ночную тишину разрывал вой бродячих псов. Над склоном холма висел белый диск луны.

В слабых уже язычках пламени нищему виделись древние божества: загадочные фигуры с телами людей и головами диких животных. Один раскрывал пасть шакала, у другого был птичий клюв, лицо третьего напоминало морду крокодила. Химеры эти пугали и очаровывали. Устраиваясь поудобнее, нищий поворочался; его губы шевелились.

Огонь угасавшего костра открывал ему все новые секреты: темную комнату, гроб, горку драгоценных камней, сваленные в кучу у стены неясные предметы, грозные мечи и тяжелые щиты. Рот нищего открылся от изумления.

Пламя угасло и тут же вспыхнуло вновь. Комната исчезла, вместо нее расстилалась безбрежная пустыня. По раскаленному песку движутся полчища воинов. Слышен перестук лошадиных подков, звон оружия, высокий мужской голос затягивает песню. Откуда-то изда- лека доносится подобный рыку льва, вселяющий страх звук. Кажется, он исходит от песка. С каждым мгновением он крепнет, набирает силу, растворяет в себе все другие звуки.

Зрачки сумасшедшего беспокойно задвигались, дыхание участилось. Подняв тощие руки, он зажал ладонями уши. От порыва ветра пламя взметнулось; несчастный с ужасом увидел, как песок пустыни начал, подобно воде, пузыриться и закипать. По нему, одна выше другой, пошли волны. Вот к небу поднялся гигантский вал, рухнул вниз и накрыл всю армию.

Нищий вскрикнул: сейчас море песка поглотит и его. Встав на четвереньки, он с воп- лями пополз по склону холма.

– Нет! Нет! Да защитит меня Аллах! Да спасет он мою душу! Не-е-е-т!

14

Каир

По словам Дженни, ее подруга переживала тяжелое время. Сначала Тэйру бросил Дэниел, а через несколько дней она узнала, что врачи обнаружили у матери рак. Одно сильнейшее потрясение после другого.

– Да, – сказала тогда Дженни, – под такими ударами сломался бы и сам Тайсон.

Оглядываясь назад – за последние шесть лет она делала это много раз – Тэйра ясно видела те знаки, рассмотреть которые можно было еще в самом начале.

Несмотря на их близость, какая-то часть души Дэниела всегда находилась очень и очень далеко. После утомительных занятий любовью он тут же уходил с головой в книги, как бы испугавшись глубины только что пережитых чувств. В бесконечных разговорах с Тэйрой он умудрялся ничего не сказать о себе. Проведя рядом с Дэниелом больше года, Тэйра почти не имела представления о его жизни. Родился он в Париже, после гибели в автокатастрофе родителей десятилетним мальчиком переехал в Англию к тетке, блестяще окончил Оксфорд. Все. Выходило так, будто богатейшая история Древнего Египта восполняла Дэниелу недостаток его собственного прошлого.

Да, знаки были. Она закрывала на них глаза. Ей хватало просто любить его.

Конец наступил совершенно неожиданно. Однажды вечером, через полтора года после знакомства, Тэйра пришла в квартиру Дэниела. Расцеловав ее, он заговорил:

– Совет по делам древностей выдал мне разрешение на раскопки в Долине царей. Полученный грант дает возможность отправиться туда во главе экспедиции.

– Превосходно, Дэниел! Я горжусь тобой! – воскликнула Тэйра, обнимая его.

Но Дэниел остался неподвижен, и она поняла: сказано еще не все.

– Ну?

– Это означает, что какое-то время мне придется пожить в Египте.

Тэйра расхохоталась.

– Само собой, тебе придется пожить в Египте. Или ты предполагал ездить туда как на работу, в автобусе?

Губы растянулись в улыбке, но темные, почти черные глаза были серьезными.

– Это большая ответственность, Тэйра. Более интересного и значимого для археолога места, чем Долина царей, на свете нет. Ответственность и огромная честь. Мне потребуется все мое внимание.

– Естественно.

– Все внимание.

Тон, которым были произнесены два слова, испугал Тэйру. В нем слышалось предвестие землетрясения. Она с вызовом посмотрела Дэниелу в глаза, рассчитывая смутить, но он даже не моргнул.

– Что ты хочешь этим сказать? – Повисла долгая пауза; Тэйра взяла его руки в свои. – Все в порядке. Несколько месяцев проживу без тебя. Ничего страшного.

Взяв со стола бутылку водки, Дэниел наполнил стопку.

– Дело в другом.

– Не понимаю.

Он залпом выпил.

– Все кончилось, Тэйра.

– Кончилось?

– Прости за резкость, но иначе не получается. Я всю жизнь ждал этой возможности. Ничто не в состоянии помешать мне ею воспользоваться. Даже ты.

В груди Тэйры вспыхнула боль, как от удара кулаком. Она сделала нетвердый шаг, вцепилась рукой в приоткрытую дверь.

– Как я могу... тебе помешать?

– Трудно объяснить, Тэйра. Я должен сконцентрироваться на работе. Мне не нужны никакие... осложнения.

– Осложнения? – Она мучительно подыскивала слова. – Выходит, я для тебя – осложнение? Так, Дэниел?

– Я имел в виду... Для работы мне необходима свобода. Любые связи ее ограничат. Мне жаль, Тэйра, действительно жаль. Этот год был самым счастливым в моей жизни. Но дело в том...

– Что ты нашел нечто лучшее.

В комнате воцарилась тишина.

– Да.

Тэйра без сил опустилась на пол, ее душили слезы.

– Господи, – неповинуящимся языком выговорила она, – Дэниел, не поступай со мной так.

Когда через двадцать минут Тэйра вышла на улицу, ее душу заполняла абсолютная пустота. Через два прошедших в тумане дня она, не в силах ничего с собой поделаться, вновь стояла у его двери. На стук никто не отозвался.

– Он съехал, – бросил спускавшийся по лестнице студент. – Говорят, отправился в Египет. Завтра здесь будет новый жилец.

Дэниел не оставил даже записки.

Ей хотелось умереть. Желание зашло настолько далеко, что она купила пять флакончиков с таблетками аспирина и бутылку водки.

Но миновали еще два дня, и весть о страшной болезни матери чуть притупила боль утраты. Так одно горе вытесняет другое.

За недолгих четыре месяца, в течение которых мать на ее глазах таяла от рака, Тэйра приучила себя к мысли о закономерности разрыва с Дэниелом. Почти сразу после похорон она покинула страну, чтобы провести полгода в Австралии и чуть больше – в Южной Америке. По возвращении купила себе квартиру, устроилась на работу в зоопарк и отчасти восстановила душевное равновесие.

Боль, однако, не исчезла совсем. Общаясь с мужчинами, Тэйра уже никогда не позволяла своим чувствам хотя бы приблизиться к черте, которую провел в ее жизни Дэниел.

Никаких вестей о бывшем возлюбленном до нее не доходило. Вплоть до сегодняшнего дня.

– Полагаю, я этого заслужил, – сказал он.

– Да. Заслужил.

Провожаемые взглядами посетителей, они вышли из чайного домика и по Ахмед-Махер направились в старую часть города. По обеим сторонам улицы тянулись бесконечные прилавки торговцев, на разные голоса расхваливавших свой товар: жестяные лампы, кальяны, предметы одежды, овощи. Пряный аромат специй смешивался в воздухе с вонью гниющих отбросов, ухо ловило сотни различных звуков: заунывную мелодию, стук молотков, гудки автомашин, за порогом небольшой лавки слышалось ритмичное пыхтение пресса, превращавшего гору теста в полоски тонкой лапши.

На первом же перекрестке Тэйра и Дэниел свернули налево и, пройдя под небольшой, покрытой тонкой резьбой аркой меж двух высоких минаретов, оказались на узенькой многолюдной улочке. Ярдов через пятьдесят Дэниел остановился перед деревянной дверью. Табличка на стене гласила: «Отель «Салах аль-Дин». Дэниел толкнул тяжелую дверь, и Тэйра увидела крошечный пыльный дворик с неработающим фонтаном. По периметру дворик опоясывала скромная галерея.

– Вот мы и дома, – произнес Дэниел.

Выходивший окном на улицу номер был тесноватый, но довольно чистый. Включив свет, Дэниел опустил жалюзи и из стоявшей на столе бутылки плеснул в два стакана по хорошей порции виски. За окном слышался негромкий гомон человеческих голосов, заглушаемый время от времени грохотом деревянных колес. Оба молчали.

– Не знаю, что сказать, – произнес наконец он.

– Может быть, «прости»?

– Это спасет ситуацию?

– Это будет началом.

– Тогда прости меня, Тэйра. Мне искренне жаль.

Дэниел извлек из коробки длинную манильскую сигару, шелкнул зажигалкой, выпустил струю дыма. Видно было, что он сильно нервничает, его взгляд устремлялся на Тэйру и тут же уходил в сторону. В ярком свете лампы она впервые после встречи внимательно рассмотрела его лицо. Дэниел заметно постарел: появилась седина в волосах, по лбу побежали морщины. Но мужчиной он оставался красивым. Даже очень красивым.

– Когда ты перешел на сигары?

Дэниел пожал плечами.

– Несколько лет назад. Их курил Картер, вот я и подумал, что они принесут мне хоть кусочек его удачи.

– Принесли?

– В общем-то нет.

Он вновь наполнил стаканы. На улице с натужным тархтением сквозь толпу пешеходов пробирался мотороллер.

– Как ты меня отыскала? Или ты зашла в чайный домик по чистой случайности?

– Прочла записку, которую ты оставил моему родителю.

– Ага. Ну, что там старик?

Она кратко сообщила о смерти отца.

– Святой Боже! Какая жалость! Я ничего не знал...

Дэниел поставил свой стакан на стол и развел руки, как бы приглашая Тэйру в объятия, однако она, качнув головой, сделала шаг в сторону. Его руки безвольно опустились.

– Мне искренне жаль, Тэйра. Могу я чем-то помочь?

– Обо всем уже позаботились в посольстве.

– Если тебе потребуется...

– Обо всем уже позаботились.

Дэниел кивнул. В номере повисло гнетущее молчание. «Что меня сюда привело?» – думала Тэйра, глядя на клубившийся под абажуром табачный дым.

– Чем ты занимался эти шесть лет? – Она прекрасно понимала, насколько бессмысленно прозвучал ее вопрос.

– Все тем же самым. Вел раскопки, читал лекции. Написал пару книг. – Дэниел сделал глоток виски.

– На раскопках и живешь?

Он кивнул.

– В Луксоре. Сюда приехал на две-три недели, по делам.

– Не знала, что до сих пор ты поддерживал отношения с отцом.

– Отношения? – Дэниел покачал головой. – Мы не общались с того времени, как... – Его рука потянулась к бутылке. – Не знаю даже почему, но просто захотелось его увидеть. Старая дружба и все прочее... Сомневаюсь, чтобы он мне ответил. Твой отец ненавидел меня за то, что я сделал.

– Не он один.

– Да, пожалуй.

Болтая ни о чем, обмениваясь дежурными новостями, они допили бутылку. На город уже опустились сумерки, шум за окном начал стихать: владельцы закрывали свои магазины.

– Ты даже ни разу не написал мне, – сказала Тэйра, вращая в пальцах толстого стекла стакан.

Ее мозг туманили алкоголь и усталость. Под окном ветер гнал вдоль опустевшей улицы обрывки газет.

– А ты этого хотела?

– Нет. – Тэйра резко качнула головой.

Она сидела на краешке постели. Дэниел устроился на пыльном диванчике у противоположной стены.

– Ты сломал мою жизнь.

Их взгляды встретились, и в то же мгновение Тэйра запрокинула голову, чтобы вылить из стакана в рот остатки виски.

– Но как бы то ни было, все уже в прошлом. Все кончено.

В душе Тэйра знала: это не так. Что-то должно было к ней еще прийти. Уверенность? Убежденность?

Неподалеку от отеля в тени резной арки ждал кого-то запыхавшийся черный «мерседес».

15

Луксор

– И о новых находках тебе ничего не известно? – устало спросил Халифа, гася окурочек в чашечке из-под кофе.

Сидевший перед ним мужчина отрицательно покачал головой.

– О захоронении? О тайнике, о чем-нибудь необычном?

– Нет.

– Брось, Омар. Если там хоть что-нибудь есть, мы обнаружим это, поверь. Лучше скажи сразу.

Мужчина пожал плечами и высморкался в полу своей куртки.

– Говорю же: я ничего не знаю. Ни-че-го. Вы зря теряете со мной время.

Разговор начался ровно в восемь утра. За ночь Юсуфу не удалось прилечь хотя бы на минуту, глаза слезились, во рту пересохло, голова гудела. Уже более семнадцати часов, делая лишь краткие перерывы – чтобы прочитать молитву или съесть сухой бутерброд, – Халифа вместе со своим заместителем задавали вопросы тем, кто имел в Луксоре хоть какое-то отношение к торговле антиквариатом. Необходимо было найти ниточку, которая вела бы к Абу Найару. В течение вчерашнего вечера, ночи и сегодняшнего утра через полицейский участок на Шарийа аль-Карнак прошли несколько десятков человек, давая на звучавшие вопросы абсолютно одинаковые ответы: нет, о новых находках ничего не слышно, никаких раритетов городские антиквары не получали; да, если что-то вдруг станет известно, непременно сообщим об этом полиции. Инспектору казалось, будто он слушает одну и ту же заезженную пластинку.

Халифа закурил очередную сигарету. Курить ему не хотелось, но табачный дым помогал бороться со сном.

– Где, по-твоему, такой тип, как Абу Найар, мог взять деньги на покупку новехоньких телевизора и холодильника?

– Откуда мне знать? – недовольно буркнул Омар, жилистый коротышка с огромным носом. – Мы были едва знакомы.

– Но ведь он что-то нашел, разве нет?

– Пусть будет по-вашему.

– Что-то, из-за чего его убили. И ты знаешь, что именно.

– Ничего я не знаю.

– Да ты настоящий Абд эль-Фарук, Омар! Без твоего ведома в Луксоре кошка не прошмыгнет.

– На этот раз прошмыгнула. Сколько раз повторять? Ничего я не знаю. Ничего!

Халифа подошел к окну, затянулся сигаретой. Он знал, что и в самом деле зря теряет время. Было ясно: Омар не расположен к откровенности, и дельного в его ответах инспектор не услышит. Юсуф тяжело вздохнул.

– Хорошо, Омар, – сказал он, продолжая смотреть в окно. – Можешь идти. Но дай мне знать, если что-то пронюхает.

– Обязательно, – пробормотал коротышка уже от двери. – Позвоню немедленно.

Он вышел. Юсуф и Сарийа остались вдвоем.

– Сколько их там еще? – спросил инспектор.

– Никого, – отозвался заместитель, потирая покрасневшие глаза. – Мы управились со всеми.

Халифа опустил на стул, закурил новую сигарету. Предыдущая все еще дымилась в пепельнице.

Может, он ошибается? Может, смерть Абу Найара никак не связана с торговлей предметами старины? В том, что здесь говорили опрашиваемые, нетрудно найти десяток других причин, недоброжелателей у этого Абу хватало. Ни одна нить не тянулась от убийства к антиквариату.

И все же интуиция подсказывала Халифе, что без древних безделушек дело не обошлось. Так хороший археолог нутром чувствует близкую находку. Инстинкт. Увидев татуировку скарабея, Юсуф понял: ключ к разгадке необходимо искать в прошлом.

На это же указывали и косвенные улики. Их было достаточно для того, чтобы не считать беседы с антикварами совсем уж безрезультатными. Найар явно имел отношение к торговле древностями. Недавно он разжился приличной суммой, намного большей, чем та, которую могли дать случайные приработки. Его жена категорически отрицала, что знала о каких-либо махинациях мужа с раритетами. В общем-то ничего удивительного, разве что заговорила она на эту тему сама, без всяких наводящих вопросов. Значит, была к ней готова? Заслуживала внимания и реакция опрошенных торговцев.

– Страх, – сказал Юсуф, глядя, как к потолку поднимается кольцо табачного дыма.

– Что?

– Они перепуганы, Мохаммед. Все они не находили себе места от страха.

– Еще бы. За торговлю краденными предметами старины каждый мог бы сесть на пять лет.

Инспектор пустил к потолку новое кольцо.

– Но они боятся не нас. Их пугает что-то другое. Или кто-то.

– Не понимаю. – Сарийа прищурился.

– Что-то гложет их изнутри, Мохаммед. Они пытаются скрыть это, но страх выплывает наружу. Помнишь, мы предьявляли им фотографии Найара? Они становились белыми от ужаса, будто видели, как то же самое происходит и с ними. В Луксоре сейчас не найдешь антиквара, который не наложил бы в штаны. С таким я еще не сталкивался.

– Думаешь, они знают, кто его убил?

– Во всяком случае, подозревают. Но говорить никто из них не решится. Людей, расправившихся с Абу Найаром, они опасаются куда больше, чем нас.

Сарийа зевнул, и Юсуф заметил: во рту заместителя почти не осталось здоровых зубов.

– Так с кем, по-твоему, мы имеем дело? – поинтересовался сержант. – С местной группировкой? С парнями из Каира? Фундаменталистами?

Инспектор пожал плечами:

– Трудно сказать. Может быть, кто-то из перечисленных, может быть, нет. Точно одно: дело это серьезное.

– Считаешь, он нашел новое захоронение?

– Допускаю. Возможно, нашел другой, а Найар оказался рядом. В конце концов, там могут оказаться всего несколько предметов, но весьма ценных. Таких, которые стоят человеческой жизни.

Он швырнул окурок в окно. Сарийа снова зевнул.

– Прости. После рождения сына никак не могу выспаться.

– Еще бы, – улыбнулся Халифа. – Я и забыл. Сколько их теперь у тебя?

– Пятеро.

Инспектор повел головой:

– Откуда у людей берутся силы? Меня едва хватило на трех.

– Побольше зеленого горошка, шеф. Мужчину он просто заряжает энергией.

Простодушие, с которым была произнесена эта фраза, развеселило Юсуфа, он негромко засмеялся. Сарийа напустил на себя обиженный вид, и в то же мгновение оба расхохотались.

– Ступай домой, Мохаммед, – наконец произнес Халифа. – Поешь зеленого горошка и ложись спать. А потом отправляйся на западный берег, поговори со вдовой Найара, с его матерью. Посмотрим, вдруг что-нибудь и накопаешь.

Заместитель снял спинки стула форменный китель и направился к двери. Уже на пороге он остановился.

– Шеф?

– Гм-м-м?

– Можно вопрос? Скажи, ты веришь в заклęcia? – Пальцы сержанта теребили пуговицу рубашки.

– Заклęcia?

– Ну да, древние. Типа заклęcia Тутанхамона.

Юсуф улыбнулся.

– Имеешь в виду «плохо кончит тот, кто потревожит покой умерших»?

– Да.

– Полагаешь, это наш случай?

Сарийа смущенно потупился.

– Нет, Мохаммед, не верю. Глупые предрассудки, не более. – Он скомкал пустую пачку из-под сигарет, бросил ее в угол. – А вот в дьявола верю. В темные силы, которые подчиняют себе разум человека и превращают его в чудовище. Я видел это собственными глазами. Против нас выступает сейчас именно дьявол. Суций дьявол.

Юсуф откинулся на спинку стула, кончиками пальцев принялся осторожно массировать веки.

– Да поможет нам Аллах, – негромко произнес он.

Позже, расправившись с завтраком из двух вареных яиц и куска сыра, Халифа перебрался через реку и остановил такси. В Дра Абу эль-Нага он вышел из машины, оставил водителю несколько монет и зашагал по дороге к дворцу Хатшепсут в Дейр эль-Бахри.

Из всех памятников старины дворец восхищал его больше других. При виде вырезанных в каменной толще утеса залов, террас и колоннад захватывало дыхание. Дерзость древних строителей поражала. Дворец был одним из чудес Луксора. Нет, Египта. Да что там – пожалуй, всего света.

Но чудо уже потускнело. В 1997 году от рук оголтелых фанатиков здесь погибли шестьдесят два туриста. Халифа оказался в числе первых прибывших к месту побоища полицейских, опрашивал местных жителей. В течение нескольких месяцев после этого он просыпался среди ночи в холодном поту, не в состоянии забыть звук хлюпавшей под ногами крови. С того времени к его восторгу при виде дворца примешивалось чувство омерзения.

По правой стороне дороги тянулся ряд пыльных сувенирных лавок. Стоявшие у прилавков владельцы зывали к туристам, наперебой предлагая украшения, почтовые открытки, широкополые шляпы от солнца, поделки из алебаstra – все лучшего качества и по лучшей в Египте цене. Один из них бросился к Юсуфу, размахивая украшенной замысловатым иероглифом майкой. Движением руки инспектор отослал его прочь и свернул направо, к заново покрытой асфальтом стоянке. Остановившись у трейлера с пластиковыми кабинками туалетов, прокричал:

– Сулейман! Эй, Сулейман, где ты?

Откуда-то возник невысокий, сильно прихрамывающий человек в светло-зеленой галабии. Его лоб пересекал длинный, от левого глаза к правому виску шрам.

– Это вы, инспектор?

– *Салям алейкум*. Как жизнь, старина?

– *Квайис, хамду-лиллах!* – улыбнулся мужчина. – Неплохо, благодарение Аллаху. Чаю хотите?

– Спасибо.

– Садитесь, садитесь!

Взмахом руки он указал на видневшуюся в тени небольшого строения скамью и отправился поставить на огонь чайник. Когда вода закипела, Сулейман наполнил два стакана, осторожно, стараясь не споткнуться, вернулся к скамье, сел. Взяв стакан, Халифа протянул мужчине пластиковый пакет.

– Здесь сигареты.

Сулейман извлек из пакета блок «Клеопатры».

– Зачем, инспектор! Это же я ваш должник!

– Ты ничего мне не должен.

– Если не считать жизни.

Четыре года назад Сулейман аль-Рашид работал при дворце сторожем. Пуля фундаменталистов попала ему в голову, когда Сулейман пытался закрыть своим телом приехавшую из Швейцарии молодую мать с ребенком. После того как бойня свершилась, его сочли мертвым, но Юсуф, пощупав на худой руке пульс, подозвал медиков. Несколько недель Сулейман находился между жизнью и смертью. Пуля сделала его слепым, о работе сторожа пришлось забыть. Теперь он заправлял туалетами.

– Как голова? – спросил Халифа.

– Так. – Сулейман потер виски. – Сегодня побаливает.

– К врачам ходишь?

– Врачи! Кому они нужны?

– Если боли не проходят, ты должен обследоваться.

– Не волнуйтесь, я в полном порядке.

Гордый нрав приятеля был хорошо известен инспектору. Он предпочел не настаивать и, поинтересовавшись здоровьем жены и детей, слегка поддел Сулеймана: команда, за которую тот болел, уступила на последних скачках жокеям клуба соперников. Рассмеявшись, оба смолкли. Юсуф безразлично следил за тем, как из автобуса выгружается очередная группа туристов.

– Мне нужна твоя помощь, Сулейман.

– Говорите, инспектор. Вы же знаете: вам стоит только попросить.

Халифа отхлебнул остывший чай. Он не испытывал ни малейшего желания вовлекать в дело друга, играть на его чувстве долга. Сулейману и без того досталось. Но чтобы сделать шаг в расследовании, требуется информация. А приятель вполне мог слышать что-то важное.

– Думаю, в некрополе нашли что-то интересное, захоронение или тайник, не уверен. Но находка наверняка ценная. Антиквары молчат, и это неудивительно, только рты им запечатаны не жадностью, а страхом. – Юсуф допил чай. – Может, до тебя доходили какие слухи? Сулейман молчал, продолжая потирать виски.

– Поверь, я очень не хочу тебя впутывать. Просто один труп уже есть. К чему другие? Молчание.

– Так как? Скажем, новое захоронение? Ведь твои уши ловят здесь каждый звук.

– Что-то я слышал, – неохотно проговорил Сулейман, глядя невидяще прямо перед собой. – Но ничего конкретного. Как ты сам сказал, все перепуганы.

Внезапно он резко повернул голову, как бы пытаясь всмотреться в тянущуюся по гребням холмов стену из желтого кирпича.

– Думаешь, за нами следят? – спросил Халифа, устремляя взгляд в ту же сторону.

– Я знаю, что за нами следят, инспектор. Они повсюду, как муравьи.

– Кто «они»? Что тебе известно, Сулейман? Что ты слышал?

Глаза приятеля едва заметно слезились. Он поднес к губам стакан с чаем.

– Слышал кое-что. Неясные намеки. Словечко там, словечко здесь.

– Ну-ну?

Голос Сулеймана снизился до шепота:

– Захоронение.

– И?..

– Необычное захоронение. Ему нет цены.

Халифа выплеснул на песок чайники.

– Где?

Его собеседник кивнул на холмы.

– Где-то там.

– Места там много. А точнее?

Сулейман покачал головой.

– Ты уверен?

– Да.

Наступила тишина. В раскаленном воздухе резко пахло горячим асфальтом. Где-то за постройкой, в тени которой они сидели, истошно завопил ишак. Ярдах в пятидесяти супружеская чета европейцев отчаянно торговалась с таксистом.

– Чего все так бояться, Сулейман? В чем дело?

Молчание.

– Кто тут у вас объявился?

Приятель поднялся со скамьи, его правая рука безошибочно нашла оба стакана. Вопросы инспектора он, казалось, не слышал.

– Сулейман! Что это за люди?

Тот медленно захромал к туалетам. Не оборачиваясь, тихо обронил:

– Люди Саиф аль-Тхара. Его имя наводит здесь ужас. Извините, инспектор. Мне пора.

Был рад повидаться.

Он с трудом поднялся по приставной лестнице в трейлер, закрыл дверцу.

Халифа закурил.

– Саиф аль-Тхар. Интересно, как я узнал, что это будешь именно ты?

Абу-Симбел

Сдвинув бейсболку на глаза, молодой египтянин растворился в толпе. Ничто не выделяло его из многочисленных туристов, сгрудившихся у подножия четырех гигантских статуй, если не считать негромкого бормотания да отсутствия всякого интереса к каменным исполинам. Нет, внимание юноши привлекали фигуры трех одетых в черную униформу полисменов, которые сидели ярдах в двадцати от него на широкой скамье. Бросив взгляд на часы, парень снял с плеч рюкзак, начал возиться с застежками.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.